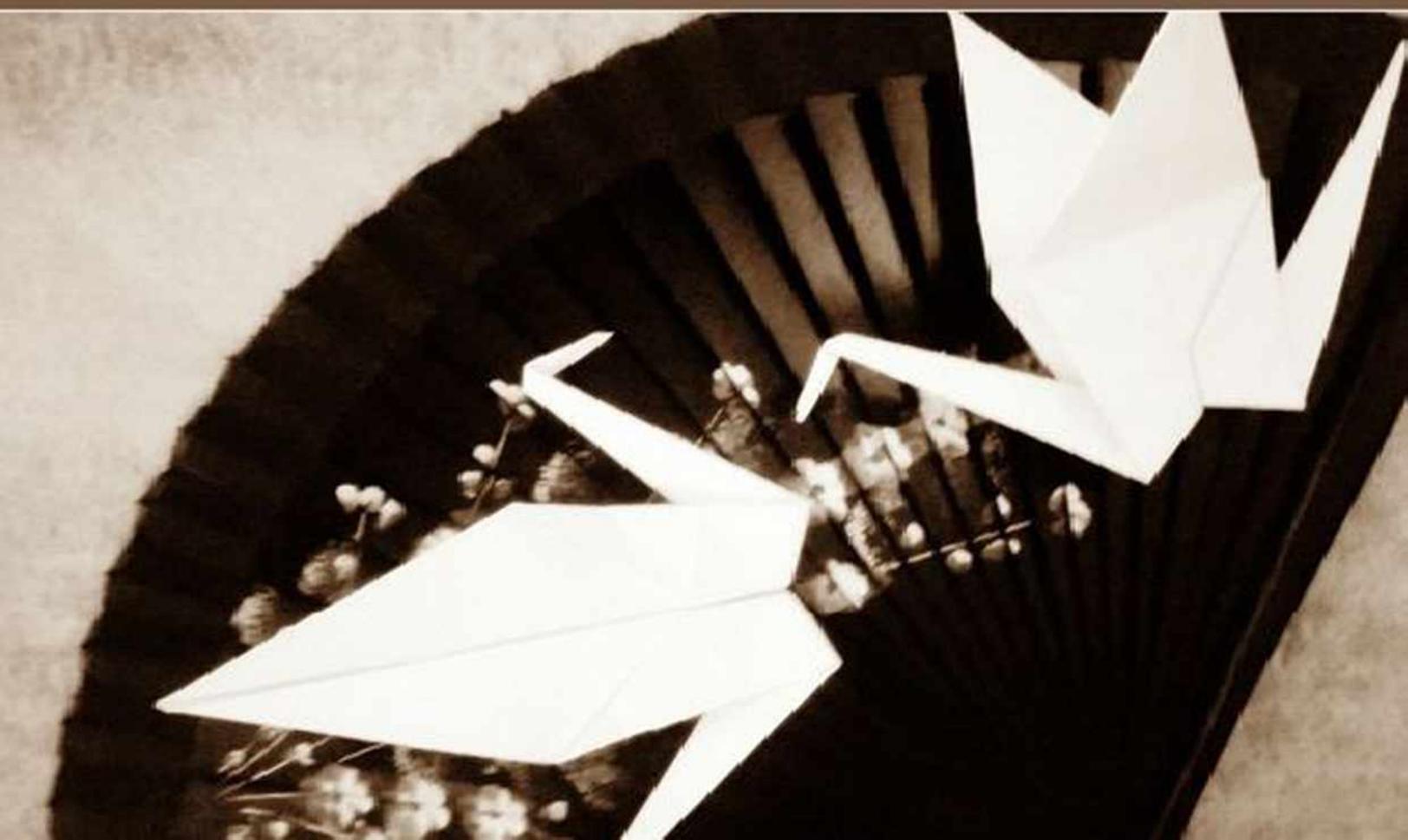

Александра Флид

*Сеул —
Хиросима.
Август 1945*

Сеул – Хиросима. Август 1945

Александра Флид

© Александра Флид, 2015

© Ольга Флид, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Солнце стоит в зените, и Гён Ран кажется, что оно уже никогда не сдвинется с места. Девушка идет по пыльной дороге, перекинув через плечо наполовину заполненный её немногочисленными пожитками полотняный мешок. Босые ноги обжигает раскаленная, кажется, добела дорожная пыль, которая взмывает вверх всякий раз, когда мимо проезжает машина. Гён Ран молчит и терпеливо шагает по обочине, зная, что скоро все это закончится.

Летние каникулы длятся всего два месяца, и она не уверена в том, что сможет утолить свою тоску по дому за такое короткое время. Однако большего просить не приходится – учеба отнимает слишком много времени, и, как утверждает мама, принесет в будущем гораздо больше пользы, чем кажется сейчас.

Какой смысл в том, чтобы учиться на медсестру? Гён Ран слышала о том, что в лазаретах, где проходят лечение военные, медсестрой может стать любая девушка-доброволец, нужно лишь подписать пару бумажек – и вопрос решен. Зачем исписывать тетради и полировать учебники, если можно сразу приступить к работе, за которую еще и денег заплатят? Гён Ран всего восемнадцать, и она не понимает, как много значит хорошее образование.

Встретит ли ее малышка Ин Су? Сейчас слишком жарко, в такое время сестренка не выходит из дому, но Гён Ран хочется верить, что Ин Су встретит её первой. Тогда она сможет отдать ей свой подарок, не попавшись при этом матери. Для того чтобы купить стеклянный шарик с тремя бабочками внутри, Ген Ран пришлось две недели во всем себе отказывать. Но не могла же она заявиться домой без подарка!

Пользуясь тем, что до дома ещё далековато, девушка останавливается посреди дороги, спускает с плеча мешок и развязывает шнурки, стягивающие края. Вот он, её подарок для младшей сестренки. Красивый шарик из белого прозрачного стекла. Внутри идеально гладкой сферы перекатываются искусственные бабочки. Их крылья переливаются на солнце, и Гён Ран даже прищуривается, пытаясь получше их разглядеть. Понравится ли такой подарок Ин Су?

Когда она привозит домой подарки для Мин Хо, мать ничего не говорит, только хмурится и качает головой. Зимой Гён Ран привезла ему книгу по зоологии, а для Ин Су захватила японский бумажный веер из лаковой васи¹, привезенный, по утверждениям продавца, из самой Хиросимы. Тогда-то Гён Ран и поняла, что матери не нравится, когда она привозит подарки для младшей сестры.

Остаток дороги проходит легче, так как Гён Ран погружена в свои мысли и забывает обо всём на свете. Родной поселок лежит в низине, и ей часто кажется, что случись паводок, то их дома затопит в первую же очередь. Домик, в котором она выросла, стоит у самой кромки посёлка, там, где его не каждый заметит. Небольшое строение с покосившейся крышей и крохотной пристройкой для летней кухни.

«Отец умер всего два года назад, а дом уже превратился в развалину», – с горечью думает Гён Ран, толкая ветхую калитку своего дома.

К счастью, Ин Су сидит на крыльце, играя ровно обструганными палочками и напевая какую-то песенку. Девочка не сразу замечает свою сестру, но едва увидев, сразу же вскакивает с места и летит к ней навстречу, раскрыв объятия. Младшую сестру Гён Ран любит больше всех на свете.

– Тихо, тихо, не кричи. – Она едва успевает приложить палец к губам, прежде чем Ин Су с радостными криками налетает на нее, с разбегу обняв руками и ногами.

– Сестра приехала! – восторженно визжит малышка, будто рассказывая кому-то о своей радости.

Пока из дому не показалась мать, Гён Ран наскоро сбрасывает на землю мешок и достает из него свой подарок, не забывая придерживать повисшую на ней Ин Су.

– Это тебе, – шепчет она, вручая ей стеклянный шарик.

– Как красиво! – заливается радостным смехом девочка и несколько раз целует старшую сестру в щеку.

Ин Су всего пять лет. В прошлом году она сильно болела, но Гён Ран не могла о ней позаботиться, так как ее ждала учеба в Сеуле, и малышка перенесла свою пневмонию без должного ухода. С тех пор Гён Ран боится, что болезнь вернется с новой силой и заберёт малышку навсегда.

Конечно, мама всё равно узнает о том, что она привезла Ин Су подарок, просто Гён Ран не хочется, чтобы она своим хмурым лицом портила сестрёнке настроение. Она хорошо помнит, как это было в прошлый раз, когда радостная улыбка на лице Ин Су исчезла как по мановению волшебной палочки, словно её и не было. И лаковый веер был уже не в радость.

Дверь открывается, и появляется мать Гён Ран, а следом за ней выходит и заметно подросший Мин Хо.

– Ин Су, слезь с сестры, – командует мать, и малышка тотчас же сползает на землю, боясь перечить.

Женщина украдкой бросает взгляд на стеклянный шарик, но на этот раз не говорит ни слова.

– Мама, я вернулась, – отчаянно пытается улыбнуться Ген Ран.

Она, не спеша, подходит к матери и обнимает ее за плечи. Для этого ей приходится наклониться, так как за эти месяцы мать, кажется, стала еще меньше, чем прежде. Женщина обнимает старшую дочь в ответ и даже позволяет себе всхлипнуть. Всего один раз. Надеюсь, что никто не услышит.

За матерью наступает очередь Мин Хо. Он уже достаточно высокий, для своих девяти лет выглядит совсем взрослым и крепким. Гён Ран крепко обнимает братишку.

– У меня и для вас подарки есть, – радостно объявляет она, снова запуская руку в мешок. – Для мамы шёлковый отрез, а для Мин Хо набор новеньких хрустящих карандашей и большая тетрадь в сто листов.

После ужина Ген Ран наскоро купается на заднем дворе под тряпичным навесом, который кое-как защищает от случайных взглядов соседей, а потом возвращается на свое место, где проспала первые шестнадцать лет своей жизни. Раньше мать и отец спали в другой комнате, но теперь там укладывают Мин Хо, а все женщины лежат в той, что раньше считалась детской.

Пока дети собираются спать, мать шёпотом отчитывает старшую дочь.

– Почему ты привозишь Ин Су такие дорогие подарки? Наверное, тетрадь для Мин Хо обошлась раз в десять дешевле, чем этот бесполезный стеклянный шарик.

– Ин Су ведь у нас девочка, – осторожно отвечает Гён Ран. – Ей нужно что-нибудь красивое, а такие вещи стоят немного дороже. Ничего страшного, моя стипендия цела, я привезла её домой, так что завтра же сходим на рынок и купим целый мешок риса. Я смотрю, в рисовом сундуке уже всю дно сверкает, стоит только крышку открыть. Вы, наверное, впроголодь жили.

– Конечно, стипендию ты откладывала, – ворчит мать. – А все деньги на этот проклятый шарик прямо с тебя слезли. Кожа да кости остались. Сахар-то ты хоть покупала?

– Иногда, – уклончиво отвечает Гён Ран.

– И почему ты тратишь деньги на безделушки, когда тебе самой нужно хорошо кушать, чтобы учиться?

– Я не могу есть сахар, когда они голодают. Лучше уж привезти им подарки, хоть все вместе порадуемся.

– Все дети как дети, одна ты у меня такая странная, – продолжает брюзжать мать.

Гён Ран прикрывает глаза и улыбается. Она знает, что в глубине души мать гордится ею.

На следующий день Гён Ран встаёт ни свет, ни заря, думая о том, что нужно собрать тележку и отправиться на рынок за рисом, а может быть и поспрашивать у соседей, не продаст ли им кто-нибудь мешок из прошлогодних залежавшихся запасов. Хотя, какие могут быть запасы? Люди сильно обеднели за годы войны.

В городе она слышала, что там, в Европе, война уже закончилась. А здесь, на Востоке, горький военный дым застоялся, как в безветренную погоду. Никаких изменений.

Гён Ран тянет руку, чтобы разбудить мать, но обнаруживает, что её место уже пустое. Обычно мать встает чуть позже, но, может быть, за это время что-то изменилось?

Она выходит во двор, чтобы набрать себе воды для умывания, и в этот момент из летней кухни выходит мать. В руках у неё большая чашка с варёным рисом.

– Иди на задний двор, – говорит женщина, прежде чем занести еду в дом.

Гён Ран удивляется тому, что мать приготовила так много. Их ведь всего четверо, двое ещё совсем маленькие. Куда им столько еды?

Вместо того чтобы послушаться, она идёт следом за матерью. Гён Ран оглядывается, но, к своему удивлению, не обнаруживает ни матери, ни чашки с рисом. В голову закрадываются подозрения, и она обходит весь дом, стараясь не потревожить спящих малышей. Решив проверить все варианты, она тихонько прокрадывается в ту комнату, где спит Мин Хо. Из неё можно пройти в крохотное помещение, где находится нижняя дверь или, попросту говоря, люк.

Так и есть – деревянная крышка откинута в сторону. Гён Ран не раздумывает ни секунды, сразу же опускаясь в зияющее отверстие в полу.

Она и забыла, какие крутые здесь ступеньки. В погребе горит свеча, отбрасывая кривые тени по земляным стенам. Гён Ран знает, чего ожидать, и потому, увидев трёх взрослых мужчин, нисколько не удивляется.

– Ты зачем сюда явилась? – напускается на неё мать, оставив чашку с рисом на полу.

Не сказав ни слова, Гён Ран поднимается по лестнице. Мать идёт следом. Заметив, что мать хочет закрыть люк, девушка холодно бросает:

– Оставьте, пусть погреб проветрится хотя бы с полчаса.

Поход на рынок отменяется. Гён Ран сидит на заднем дворе и крутит в руках пустой кувшин.

Как мать могла поступить так неразумно? Как можно прятать партизан в своём доме, где живут маленькие дети? Разве мать, которая желает добра своей семье, будет так рисковать?

Через некоторое время к ней подходит умытая и улыбающаяся Ин Су.

– Сестра, разве ты не будешь завтракать? – тянет она своим низким приятным голосом, и при этом жутко напоминает медвежонка.

Короткая чёлка намокла и прилипла ко лбу. Глазки бусинки доверчиво смотрят на старшую сестру. Полные красные губы ожидающе приоткрыты. Жаль разочаровывать такую куколку, но Гён Ран знает, что не сможет проглотить ни кусочка.

– Я не хочу, – вздыхает она, поглаживая малышку по волосам. – Скажи маме, что я не буду завтракать.

Как и следовало ожидать, чуть погодя на заднем дворе появляется мать.

– Почему ты так себя ведешь? – хмурясь, спрашивает она.

– Вы должны убрать их из нашего дома, – вместо ответа решительно говорит Гён Ран, поднимаясь с низкого деревянного стула. – Их здесь быть не должно.

– Тебе ли судить, что я должна делать со своим домом? – уже не на шутку сердится мать.

– Вы разве не слышали, что японские управляющие обыскивают дома в поисках партизан? Что будет, если они найдут их в нашем доме?

– Не указывай мне, что делать. – Несмотря на ровный голос, мать переполняет злоба, и это заметно.

– В Сеуле каждый день расстреливают горожан, у которых хоть листовку найдут, – продолжает Гён Ран, не обращая внимания на слова матери. – А какие пытки они придумали, если бы вы знали. С людей чуть не живьем кожу снимают. Детей, конечно, не мучают, но расстреливают, как и всех остальных.

Хлесткая пощечина обжигает щеку, и Ген Ран умолкает на полуслове. Верный признак того, что матери нечего сказать.

– Завтра же переселю их в лесной домик, – несмотря ни на что шипит девушка, не заботясь даже о том, чтобы приложить руку к покрасневшей коже.

– Там они уже жили. Целый год там промучились, а потом их нашли, благо хоть не врасплах застали. Их пятеро было, а осталось всего трое. Хочешь, чтобы и этих убили?

– Я хочу, чтобы мои братик и сестренка дожили до конца этой проклятой войны, и только-то. – Гён Ран прищуривается и качает головой. – Так значит, они уже целый год у нас скрываются? И много они японцев за это время убили?

Дождавшись, когда мать уйдет на поле, Гён Ран спускается в погреб. Мужчины уже готовы к встрече с ней. Они зажигают свечу и рассаживаются на полу, ожидая её.

– Вы должны уйти, – твёрдо заявляет она.

Их лица почернели от постоянных тревог, затхлого воздуха и земляной грязи. Стены и пол погреба ничем не облицованы, и они

постоянно находятся в сырости и духоте.

– Мать сказала, что вы уже жили в лесном домике, так что сможете ещё несколько недель там пережить, прежде чем я найду вам другое убежище, – продолжает она. – Как только стемнеет, я приду за вами.

Впервые за всё время один из них начинает говорить. Его голос хриплый и тихий, словно застывший от долгого молчания.

– Мы можем уйти только завтра. Сегодня ночью мы и ещё две группы должны подорвать японский состав на железной дороге, а из лесу до места встречи слишком долго добираться.

– Мне всё равно, что вы там задумали, – обрубает его речь Гён Ран.

Хотя они и сидят целыми днями в холодной и сырой комнатёнке, они все равно сильнее, чем восемнадцатилетняя пигалица, которая только вчера явилась из Сеула. Гён Ран чувствует, как по спине пробегает неприятный холодок.

«Дочь хозяйки никто из них ударить не посмеет» – пытается успокоить себя она.

– Сестра, сестра! – раздаётся сверху взволнованный голос Ин Су.

– Подожди минутку, – выкрикивает Гён Ран, поднимаясь по лестнице.

Повстанцы подождут ещё немного. Тем более что наверху, прямо в этой маленькой тёмной комнатке её ждёт японский офицер.

Идеально прямая осанка, до блеска начищенные сапоги и идеально отглаженная форма – японец выглядит весьма серьезно. Руки незнакомец держит за спиной.

– Вы Хон Ёнг Хи? – на идеальном корейском спрашивает он.

– Нет, я Хон Гён Ран, – отвечает девушка, украдкой бросая взгляд на незапертый люк. – Я её старшая дочь.

– Меня зовут Шуго Кавада, – вежливо представляется он, прежде чем продолжить расспросы: – Вы совершеннолетняя? Сколько вам лет?

– Восемнадцать, – сама не слыша своего голоса, отвечает Гён Ран.

– Значит, вашего присутствия вполне достаточно. Боюсь, я должен осмотреть ваш дом. И, пожалуй, начну с этого подвального помещения.

Глава 2

Так страшно Гён Ран еще никогда не было. Что делать? Броситься на колени, умоляя о пощаде? Перегородить ему дорогу, встать на пути и закрыть хлипкую деревянную крышку? Попробовать обмануть?

Делать нечего – придётся смириться с этим. Гён Ран послушно отходит в сторону. Ничего изменить нельзя – всё равно он пришёл не для того, чтобы уйти с пустыми руками. Только бы мать не возвращалась в ближайший час. Офицер удивлённо смотрит на неё, прежде чем отлаженным движением выхватить табельное оружие из кобуры и двинуться в сторону погреба.

В дверном проёме показываются ещё три человека званием пониже. Очевидно, они всё это время были снаружи, а теперь поняли, что нужно помочь капитану Каваде. Один из них что-то выкрикивает на японском, но капитан делает небрежный жест рукой – мол, сам справлюсь.

Тяжёлые сапоги глухо стучат по ступенькам, отсчитывая удары сердца Гён Ран, застывшей над люком в напряженном ожидании. Надеяться не на что. Внизу гремит посуда, раздаются крики, и трое японских солдат бросаются к люку, влетая внутрь погреба следом за своим капитаном. Повстанцам и убежать некуда – подвал, считай что, чистая ловушка. Нет окон, чтобы выскочить наружу, нет забора, через который можно перемахнуть и унести ноги прочь. С ними все ясно – их выведут во двор и расстреляют прямо на глазах у...

Гён Ран сбрасывает оцепенение и выбегает в переднюю комнату, подзывая младших.

– Мин Хо, – шепчет она, хватая братика за руку – бегите к соседке, к той что живет за забором заднего двора. Прямо сейчас бегите и не оглядывайтесь.

Ин Су сразу же морщит крошечный носик, и её щечки краснеют.

– Не пойдём без тебя, – скорчив плаксивую гримасу, начинает причитать она. – Никуда без тебя не пойдём.

Гён Ран больно сжимает руку Мин Хо, глядя прямо ему в глаза, и, сквозь зубы, отпечатывая каждое слово, повторяет:

– Я сказала, бегите к соседке. Если не послушаетесь, живо шкуру спущу.

Дети не боятся тех, кого не знают. Мин Хо ещё не приходилось терпеть побоев от солдат, и он даже представить себе не может, как это больно, а вот от Гён Ран в прежние годы ему частенько доставалось. Характер у старшей сестры выдался на редкость суровый, так что ему хорошо известно, как больно могут сделать эти слабые на вид белые тонкие руки. Услышав последние слова, Мин Хо хватает младшую сестренку за руку и опрометью бросается на задний двор, не догадавшись, что можно выйти через калитку и обойти по дорожке. Гён Ран точно знает, что там, на заднем дворе, забор невысокий, а значит, дети быстро перелезут к соседке.

Она остается во дворе и ждет, когда партизан выведут на улицу. После того как дети ушли из дома, ей стало намного спокойнее, и теперь она просто смотрит на дверь, страстно желая, чтобы все поскорее закончилось. А еще Гён Ран, не переставая, думает о том, как поступить.

Бывало, что повстанцы прятались в заброшенных домах. Бывало, что ночевали в летних пристройках и сараях селян, без ведома хозяев, тихо и незаметно. Там можно было оправдаться, сказать, мол, не знаем, откуда они взялись тут у нас. А с подвалом дело другое. Кто-то должен за это ответить.

Капитан Кавада выводит всех троих во двор, аккуратно вправляет своё оружие на место и поправляет форму. Словно и не спускался в этот сырой и грязный подвал.

– Хон Гён Ран? – переспрашивает он, закладывая руки за спину.

– Да, так меня зовут, – севшим от волнения голосом отвечает девушка.

– Вы должны ответить на несколько вопросов, прежде чем я выполню императорскую волю и казню этих повстанцев.

– Конечно, – кивает она.

– Кто ответственен за то, что мы здесь обнаружили? Вы или ваша мать? А может быть, ваши младшие брат и сестра? Кстати, где они сейчас?

– Я отправила их к соседке. Дети ничего не знали, они тут не при чём. Незачем им смотреть на эти ужасы, – бездумно отвечает она, глядя прямо перед собой.

Офицер Кавада с интересом смотрит на неё, и в его глазах зажигается тёмный огонек, который не сулит ничего хорошего. Он подходит к ней почти вплотную, но Гён Ран продолжает стоять на своём месте, не делая попыток сдвинуться с места.

– Что ещё за ужасы? – спрашивает он таким тоном, будто и впрямь не знает, о чём идёт речь.

– Казнь, – просто отвечает Гён Ран. Раз уж начала, зачем увиливать?

Капитан Кавада понимающе кивает и отворачивается от неё, раздавая указания своим подчиненным. Пленные уже расставлены вдоль изгороди. Все на коленях, спиной к солдатам. Скоро их не станет.

– Я смотрю, у вас, Гён Ран, характер крепкий, так что буду говорить откровенно, – серьёзно говорит Кавада, расправляя плечи и крепче сцепляя руки за спиной. – Мы могли бы пытать их, перед тем как убить, ведь нам нужна информация об их подельниках, но, к сожалению, слишком многие партизаны умирают под пытками, так ничего и не сказав. А ещё печальнее то, что крестьяне укрывают преступников, несмотря на суровое наказание. Так что, обязан сообщить, что эти мужчины умрут легкой смертью, коей, конечно же, не заслужили. А вы и ваша мать отправитесь в штаб, где будете подвергнуты допросу. Женщины проще выдают секреты, да и вашим соседям будет неповадно прятать в своих домах врагов страны после того как они узнают, что с вами случилось.

Он говорит так, словно смерть и пытки – дело решённое, хотя, наверное, так оно и есть. Гён Ран хмурится и на миг задерживает дыхание, дабы не сорваться на крик.

Пока она думает, Кавада отдаёт краткое, почти безразличное распоряжение, и солдаты одновременно разряжают свои ружья в спины только обнаруженных «врагов страны». Гён Ран вздрагивает, как ужаленная. Как несправедливо. Все мучения, предназначенные для них, теперь выпадут на её долю.

– Мать ничего о них не знала, – спокойно говорит она, после того как рассеивается пыль и пороховой дым. – Это всё моя вина.

– Ваша мать – сочувствующая, и всем это известно. Мы ведь не случайно зашли именно в ваш дом, – холодно отвечает Кавада.

Гён Ран смотрит на то, как мертвых мужчин сваливают в кучу, словно грязное бельё, которое уже никогда не выстирать и остается только выбросить на помойку. Их чёрные лица застыли, а глаза без малейшего выражения глядят перед собой. Никто из них не зажмурился, принимая имперские пули в спину. Гён Ран становится жутко, но она продолжает:

– Вы ведь не в первый раз приходите с обыском? – всё ещё не отводя глаз от погибших, говорит она. – Прежде в этом доме никого не находили, потому что меня здесь не было. Я привела их вчера ночью, когда мама и младшие спали.

Офицер Кавада уверенно кивает, и подает ей руку:

– Тогда вам придётся пройти со мной.

Такой долгий допрос способен из кого угодно душу вытрясти. Гён Ран уже сбилась со счета, сколько раз ей задали один и тот же вопрос на разные лады. Какой смысл? Она ведь всё равно ничего не знает, так что даже лгать не приходится.

– Как вы связались с повстанцами? – устало спрашивает худощавый японский секретарь. На носу у него поблескивают круглые очки.

– В лесу. Просто нашла, пока ходила за травами.

– Что они вам рассказали о своих планах?

– Ничего.

– Они упоминали кого-то ещё?

– Нет.

– Они говорили с вами?

– Нет.

– Кто ещё из селян может прятать повстанцев?

– Не знаю.

– Вы лжёте нам.

– Нет.

– Тогда скажите правду.

– Я ничего не знаю.

– Как же вы тогда связались с повстанцами?

– Случайно нашла в лесу.

– Но ведь они наверняка прятались, верно?

– Я уже не помню. Я собирала травы и увидела их.

- Что они вам сказали?
- Мы почти не разговаривали.
- Вы слышали какие-нибудь имена?
- Нет.
- Кто-то из соседей видел, как вы вели их к себе домой?
- Нет, это было ночью, все спали.
- Вы ночью ходили в лес?
- Нет, я нашла их ещё днем и договорилась, чтобы они дождались ночи. Я пообещала вернуться.
- О чём ещё вы с ними говорили?
- Больше ни о чём.
- Они говорили, как их зовут?
- Нет.
- И вы не признали в них никого из знакомых?
- Нет.
- Но, как же вы заговорили с незнакомыми мужчинами? Тем более, одна, да ещё и в поле.
- Это было в лесу.
- И что вам понадобилось в лесу?
- Целебные травы для моей сестры.
- А партизаны что, прятались как раз в тех местах, где растут целебные травы?

Ей не дают пить. Ей не дают спать. Ей не дают ходить в туалет.

Гён Ран дремлет прямо на полу холодной камеры, дожидаясь, пока охранник, проходя мимо её двери, проведёт железным прутом по металлическим решеткам, извлекая из них тошнотворный вибрирующий звук, который снова вернёт её к бодрствованию.

Трупы так и остались лежать во дворе. Что толку от того, что она отослала детей к соседке? Всё равно, они вернуться и найдут мертвых людей в своём дворе. Какая травма для неокрепших детских умов.

Впрочем, это уже произошло. Ещё вчера. Или позавчера. Мать наверняка уже позаботилась о том, чтобы бедолаг схоронили где-нибудь в лесу. Там, где она, эта незадачливая Гён Ран, и нашла трёх здоровых мужиков-повстанцев. Ей так часто пришлось говорить одну и ту же легенду, что она почти поверила своим словам.

Мать позаботится о них. Хон Ёнг Хи всегда тем и славилась, что могла выдержать и мужскую и женскую работу. Справлялась же она эти два года, пока Гён Ран училась в Сеуле, сможет и сейчас вытянуть лямку, пока Мин Хо не исполнится лет шестнадцать. Тогда он пойдет работать на поле, а мать будет следить за домом.

Ей так хотелось, чтобы Мин Хо тоже пошёл учиться. Сколько денег мать и отец отложили на первый год учебы для Гён Ран? Пустые растраты. Пропадают эти деньги. Пропадают прямо сейчас, на сыром полу грязной камеры. Вместе с упряницей Гён Ран.

Ладно, жаль, конечно, но лучше пусть мать останется с детьми. Она знает, что делать.

«Я хочу, чтобы мои братик и сестрёнка дожили до конца этой проклятой войны, и только-то».

Офицер Кавада больше не появляется. Он доставил её сюда, вручил близорукому секретарю, а сам удалился. По обрывкам японских фраз Гён Ран поняла, что ему пришлось отправиться в Японию. И зачем ей это нужно? Она и японского толком не знает, к чему прислушиваться к чужим разговорам?

Гён Ран ждёт, когда ее начнут бить. На последних месяцах учебы она немало слышала о пытках, придуманных японскими оккупантами. Из застенков живыми не возвращаются.

С ней по-прежнему только беседуют. Три раза в день. Вместо еды, что ли? Про еду она уже стала забывать. Ей и пить-то всего один раз в день дают.

Сегодня секретарь молчит, глядя на бесконечные записи допросов. Одно и то же гоняют по кругу. Не надоело?

Так и хочется спросить его: «Ну, когда уже начнем?». Гён Ран даже улыбается, сдерживая безрассудный порыв. Пока не бьют, лучше не напрашиваться.

– Ваша мать хотела вас навестить, – начинает говорить секретарь. Его голос звучит равнодушно, словно он говорит о том, что к вечеру обещают дождь.

Хотя, в такую жару о дожде обычно говорят с воодушевлением. Гён Ран снова улыбается и заводит прядь длинных волос за ухо. Она уже с неделю не мылась и даже самой себе противна.

– Разумеется, ей отказали. До возвращения капитана Кавады мы не можем убить вас, но и поблажек делать никто не собирается. Вы меня слышите?

Он поднимает голову, и на его круглые очки падают зеркальные белые блики, скрывая глаза. Гён Ран тихонько кивает. Когда во рту пересохло, и говорить не хочется.

– Не понимаю, к чему этот карнавал. По-моему, это очевидно, что предательница – ваша мать.

Началось. Снова лес – ночь – имена – соседи.

– А когда вернётся капитан Кавада? – положив локти на стол, спрашивает Гён Ран.

Секретарь качает головой, предпочитая отмолчаться. Если он и удивлен такой наглостью, то ничем этого не показывает.

– Не могли бы вы послушаться его и казнить меня ещё до его приезда? – опьянев от своей нахальности, несётся вперед, закусив удила, Гён Ран. Всё лучше, чем одно и то же. Хоть какие-то эмоции.

– Без пыток нельзя. А пытать будет только капитан Кавада, – всё так же безразлично отвечает секретарь.

Глава 3

Капитана Кавады не видно ещё два дня. За это время Гён Ран успевает почти обезуметь от однообразия и беспросветности тюремной жизни. Охранник по-прежнему не даёт ей уснуть всю ночь напролет, но она сумела найти выход из ситуации, успевая поспать в течение дня. Все эти дни на дворе стоит густая вязкая жара. В камере воздух совсем горячий, хотя полы по-прежнему холодные. Гён Ран рассеяно вспоминает о том, что ей говорила куратор.

«Без особой подготовки резкие температурные перепады могут вызвать большие осложнения со здоровьем».

Внешний замок тяжёлой двери резко щелкает, и девушка поднимается с пола, натягивая подол платья на колени. Если так будет продолжаться и дальше, ей станет безразлично, чем она может просверкать. Всё равно никому и в голову не придет насиловать такую грязную и липкую девицу. Длинные волосы заплетены в неаккуратную косу.

Гён Ран ожидает, что в комнате покажется охранник, но на пороге возникает идеальный силуэт капитана. Ноги на ширине плеч, пояс туго затянут на талии, сапоги, как всегда, начищены до блеска. Пропади он пропадом, проклятый Кавада, с которого всё и началось. Он стоит так, словно готовился к встрече с ней и специально напустил на себя такой важный вид. Руки за спиной.

– Хон Гён Ран? – чётко выговаривает он.

– Да, так меня зовут, – снова отвечает она.

Сколько можно задавать одни и те же вопросы? Гён Ран хмурится и смотрит на него исподлобья. Густая чёлка на левый пробор закрывает глаза, но Кавада, должно быть, чувствует её враждебность.

– У меня для вас новости, Гён Ран. Только для начала вам нужно пройти со мной.

Даже за эту учтивость Ген Ран хочется сделать ему что-нибудь плохое. Зачем притворяться, если через пять минут все равно начнешь хлестать по спине вымоченными бамбуковыми стеблями? Она закусывает губы и поднимается с пола, тщательно следя за тем, чтобы

грязное платье не открывало больше, чем положено. Она ещё не дошла до того состояния, когда человеку всё равно, как он выглядит.

Коридор с низким потолком и необработанным бетонным полом ей знаком, но привыкнуть к нему она не может. Даже сейчас, когда она в очередной раз шагает в допросную, Гён Ран презрительно морщится и облизывает сухие губы. К её удивлению, обыкновенная камера остаётся позади, а капитан идёт дальше. Дойдя до конца коридора, он кивает ей на крайнюю дверь, по-прежнему держа руки за спиной.

– Это душевая.

Гён Ран не задает лишних вопросов, просто заходит в кабинку, закрывает дверь за собой и осматривает помещение. Это и впрямь душевая. На двойном крючке в самом углу висит большое полотенце, а рядом с ним – белый медицинский халат.

Душ не работает, как, впрочем, и следовало ожидать. О том, что мыться нужно при помощи деревянного таза, офицер Кавада ничего ей не сказал, но Гён Ран всё равно. В тазу плавают небольшая тыква, из которой она, очевидно, должна поливать себе. Вода непривычно холодная, но Гён Ран не придает этому значения. Рядом с тазом стоит маленький стульчик с кусочком мыла. Невероятная роскошь.

После того как её тело очистилось от липкой противной грязи, Гён Ран совсем не хочется надевать на себя потемневшее, плохо пахнущее платье. Немного подумав, она натягивает медицинский халат на голое тело, благо ткань оказывается достаточно толстой, да и все пуговицы на местах. С мокрых волос капает вода, и на белом материале остаются темные пятна.

Офицер Кавада всё ещё за дверью. Увидев её, он удовлетворенно кивает, довольный тем, что она догадалась не надевать грязное платье, заменив его белым халатом. Заметив, что она хочет взять старую одежду с собой, он коротко бросает:

– Оставьте.

Гён Ран послушно отпускает старое платье. Наверное, оно ей больше не пригодится, раз на то пошло. Может быть, сейчас её отведут в пыточную камеру, а потом вынесут ногами вперед на брезентовых носилках и бросят в кучу мертвецов, точно таких же, как и те повстанцы, расстрелянные у них во дворе. И будет Гён Ран лежать как грязная тряпичная рвань, пока все трупы не закинут в общую могилу,

пересыпав слои между ними хлоркой, жжеными газетами или чем там ещё.

Комната, в которую её приводит офицер Кавада, совсем не похожа на пыточную. В ней, как и в допросной, стоит стол, а за ним два стула. Кавада учтиво указывает ей на место напротив себя и снимает фуражку.

– Мы живём здесь уже сорок лет, – неторопливо и негромко начинает он, удобно расположившись на своём стуле и даже положив руки на стол, но, как и прежде, сцепив пальцы в замок. – С самого тысяча девятьсот пятого. Корея тридцать пять лет прожила под протекторатом, ни слова не говоря и не пытаясь сопротивляться. Но вот началась война на материке, в Европе, и здесь тоже стали появляться недовольные. Сначала просто противники режима, затем бунтари, а в последние годы и до партизан дело дошло. С чего бы это? Ведь жили же до этого, и никто ничего не говорил. Мне такой ход событий непонятен. Но что ещё более непонятно – это то, что люди стали поддерживать партизан. Прятать их, защищать, подкармливать. Неужели вся нация разом поняла, как прекрасно жить без протектората? И откуда это всё пошло? Неужели с европейцев пример берете?

– Вам конец, – зло глядя в глаза Каваде, говорит Гён Ран. – Вот почему вся нация вдруг поднялась.

Вопреки её ожиданиям, Кавада улыбается и кивает:

– Нам конец? – с интересом переспрашивает он, и в его тёмных красивых глазах загорается знакомый огонек. – Это почему же?

– Потому что так и будет. Потому что убийства и варварство вам с рук не сойдут. Потому что вы не можете захватить весь мир. Вам даже то, что уже покорено, удержать не под силу.

Гён Ран знает, что за это придется расплатиться, но ей все равно. Не лучше ли умереть, будучи действительно виноватой, чем терпеть боль и унижения, так ничего и не натворив?

Кавада смотрит на неё с почти осязаемым любопытством, и Гён Ран замолкает, удивленная такой спокойной реакцией.

– Продолжайте, – кивает Кавада, учтиво улыбаясь и внимательно разглядывая её лицо.

– Вы и сами прекрасно всё знаете. В Европе война уже закончена.

– Здесь не Европа, – резонно замечает капитан.

– Всё одно. Скоро вашей армии придёт конец, и тогда уже не будет иметь значения, сколько лет вы топчете нашу землю.

– Откуда такие патриотичные лозунги?

Гён Ран молчит.

– Точно как ваша мать, – продолжает Кавада, наблюдая за её реакцией. – Она здесь уже несколько раз побывала.

«Неужели мать уже приводили сюда? – с тревогой думает Гён Ран. – Неужели такое бывало и раньше? Разве такое возможно?».

– До сего момента у нас не было оснований арестовывать её, подвергать пыткам и держать здесь дольше недели.

«С кем оставались дети? Кому из соседей пришлось принимать Ин Су и Мин Хо в своём доме?».

– Теперь, когда такой случай выдался, на дороге возникает вы, и берёте всю вину на себя, хотя при этом очевидно, что вы – последняя, кто в чём-то замешан. Даже ваша младшая сестра знает больше.

«Не трогай детей, мразь».

– Если человек так хочет умереть, не наша забота убеждать его в том, что лучше остаться в живых. Вы хотели сюда попасть, мы не стали вам перечить. Но разве будет толк от допроса? Даже если я сниму ремень и стану сечь вас по рукам, пользы никакой не будет. В лучшем случае солжётесь что-нибудь, наскоро придумаете и будете уверять, что это правда.

«Ну, попробуй, посмотрим, насколько ты прав».

– Если бы все корейцы были такими как вы, то мы не простояли бы здесь и двух лет. Но, увы, ваша сила дана не каждому. Хотя, я уверен, что вы сильны только до того момента, пока речь идёт о ваших младших родственниках. А что, если я скажу, что они остались одни?

«Почему одни? Разве я не приложила всех усилий для того, чтобы они были с матерью?».

– Попытайтесь сбежать? Что будете делать?

«Тот, с круглыми очками, говорил, что мать хотела меня навестить. Может и она угодила в эту крепость? Неужели она уже несколько дней в этих же стенах, а я ничего не знаю?»

– Ваша мать погибла.

Гён Ран молчит и смотрит на свои руки, сложенные на коленях. Глаза обжигает изнутри, горячая, жидкая и солёная боль рвётся наружу, но она стискивает зубы.

– Нет, её убили не мы, – отвечая на незаданный вопрос, говорит Кавада. – Это был несчастный случай. Таких в последнее время всё больше. Если бы мы хотели убить её, то сделали бы это ещё тогда, когда в вашем лесном домике были схвачены предатели.

Пальцы сводит от чрезмерного напряжения, но это всё, что она может себе позволить – сжать руки до ломоты в суставах. Руки – это всё, чего он не видит.

– Ваши младшие родственники остались с соседкой. С той, что живет за вашим задним двором. И мы не будем привлекать их к рассмотрению и допросу, хотя мальчик уже совсем взрослый.

– Чего вы хотите? – поднимая ненавидящие глаза, спрашивает Гён Ран.

– Перефразируя вопрос, уточню, что хотеть мне нечего, а вот вам кое-что нужно.

– И что же я должна сделать?

– Вернуться, общаться, разведывать и докладывать, – пулемётной очередью выстреливает Кавада, безотрывно глядя ей в глаза.

Гён Ран ухмыляется.

– Нет? – Он приподнимает густые брови. – Уверенны?

Ей даже ответить нечего – сам всё понял.

Да, она хочет, чтобы дети дожили до конца войны. Да, она хочет, чтобы они засыпали каждый день в своих постелях, ели по три раза в день и не боялись выходить на улицу. Да, это возможно, только если она вернётся домой и возьмёт хозяйство в свои руки. Но после войны дым рассеется, и селяне поймут, кто был доносчиком. Что тогда станет с Мин Хо и Ин Су?

Человеческое презрение – худшее из всех зол. Сродни жалости.

– Значит, я могу отослать вас с часовым прямо в камеру пыток?

Гён Ран встает с места и разглаживает халат. Либо он станет красным, либо её будут сечь голышом. Хорошо, если только сечь. Разговоры о Нанкине² до сих пор звучат в её ушах, хотя прошло уже несколько лет.

Кавада тоже поднимается из-за стола, и Гён Ран ждёт, что он подойдёт к двери, но он приближается к ней, почти так же, как тогда, во дворе, перед расстрелом найденных повстанцев.

– Сколько дней ты не ела? – спрашивает он, и Гён Ран не может понять, шепчет он или говорит в полный голос. – Неделю? Пять дней?

Странно, что ты до сих пор сохранила ясность ума.

Она даже не отстраняется, как и в первый раз, оставаясь на месте и чувствуя, как по телу расходится первая волна настоящего животного страха. Кажется, ей ясен приговор. Он с самого начала знал, что она не станет шпионить. Он знал, что её мать мертва, и дети нуждаются в опекуне. Он распорядился, чтобы для неё приготовили воду и дали чистую одежду. Проклятая японская чистоплотность. И дверь абсолютно глухая – ни окошка с решётками, ни глазка. И за всё время, что она здесь, в коридоре не прошёл ни один часовой.

– Что будет, если я откажусь? – Она снова идет напролом, испугавшись своей участи. – Что если не захочу?

– Ты умрёшь. Рано или поздно.

– У меня есть возможность остаться в живых?

Руки Кавады невесомо прикасаются к белому халату, очерчивая контур её груди. Гён Ран прижимается поясницей к столу, почти усаживаясь на деревянную доску, только бы оставаться подальше. Кавада ухмыляется.

– Больше никаких вопросов. Пока не поешь и не переоденешься, никаких вопросов.

Глава 4

Странное дело – в первые дни голод нестерпимо силен, но стоит пережить это время, как желание есть напрочь отпадает, и после этого проглотить даже пару рисинок становится непосильной задачей. Гён Ран послушно пытается впихнуть в себя ещё пару кусочков рисового шарика, но неприятное ощущение в животе заставляет её остановиться. Не обязательно учиться на медика, чтобы знать, что после длительной голодовки к еде нужно подходить с особой аккуратностью. Она молча отодвигает чашку подальше и смотрит на капитана Каваду, который сидит напротив неё и читает газету. И откуда они берут японские газеты в такой дали от дома? А может быть, он привёз с собой свежие выпуски из Японии? Вернулся он совсем недавно, так что такое вполне возможно.

– Уже закончила? – уточняет он, хотя отставленная чашка говорит яснее всяких слов. – Тогда вставай и пойдём.

Он идёт впереди, уверенно выводит её из здания и усаживает в машину с открытым верхом. Гён Ран никогда ещё не ездила на машине, всё время обходилась автобусами и трамваями, так что сейчас чувствует себя не очень хорошо. Тем более на улице белый халат на голое тело ощущается совсем неловко – словно она вышла на люди полураздетая. Каваду это не смущает, и он везёт её в противоположную от посёлка сторону, не объясняя своих действий и не глядя на свою спутницу. Она исподволь наблюдает за ним, отмечая, что ему, должно быть, не больше тридцати. Совсем ещё молодой для такого ответственного звания, Кавада, скорее всего, достиг успеха на службе благодаря военному положению, которое быстро выявляет истинные способности каждого человека. Пришёл и её черёд показать, что для неё в жизни главное. Выраженные скулы, немного заостренный подбородок, суровый рельеф лица и чётко очерченные губы вкуче представляют достаточно привлекательную картину, но Гён Ран всё равно не находит в нём ничего красивого. Возможно, только тёмные пронзительные глаза можно назвать таковыми.

– Будешь работать в моем доме, – заметив её взгляд, говорит Кавада. – Следить за чистотой, вести хозяйство, оказывать

медицинскую помощь, если потребуется. Ясно?

Гён Ран кивает, предпочитая ничего не говорить. В последнее время она редко размыкает губы, но каждый раз после этого начинает говорить всякие гадости и не может остановиться.

– Твои младшие родственники в безопасности. Ты ведь этого хотела? А когда нам настанет конец, вернешься к ним, как ни в чём не бывало.

Стало быть, её слова задели безразличного на вид капитана. Хотя, чему тут удивляться.

– Больше походит на сказку, – говорит Гён Ран.

Получается, что он будет давать ей кров и держать в своём доме, пока не наступит мирное время? А после того, как войска уйдут, просто отпустит к Мин Хо и Ин Су? Гён Ран в свое время прочла немало разных книжек, но такого ещё никогда не встречала, даже в вымышленном мире. В чём же его выгода? Без этого никак не обойтись.

– Ты будешь спать со мной, – прямо говорит Кавада на той же тональности, что и всё предыдущее. – Это вовсе не сказка.

Гён Ран чувствует, что воздух переполняет лёгкие, но не знает как выдохнуть, чтобы он не заметил её волнения. Так вот в чем причина? После такого она, конечно, вернется к своим младшеньким, но о замужестве и думать забудет. Кому она будет нужна после японского капитана? А что, если люди узнают о том, что с ней произошло? Разве избежишь пересудов?

– Вот и моя выгода из этой сделки, – заключает Кавада, глядя на дорогу и совсем не меняясь в лице. Словно для него всё это ничего не значит.

В доме капитана очень чисто и тихо. Всего две большие комнаты и ещё одна маленькая, небольшая кухня выстроена отдельно.

– Постельное бельё нужно менять через каждые три дня. Чистота в доме – приоритетная задача. Появление пыли недопустимо. Еду нужно готовить только раз в день. Аптечку всегда следует держать в состоянии готовности.

Кавада раздает указания так, словно она – одна из солдат. Коротко, чётко и ясно, Гён Ран даже не успевает кивать.

– Спать будешь в маленькой комнате, – напоследок говорит он, прежде чем выйти за дверь и направиться к машине.

Первые дни Гён Ран очень сильно нервничает, пытаясь выполнить свою работу так хорошо, как только может. Она дважды в день моет полы, вытряхивает циновки и протирает пыль. Каждый вечер ей приходится стирать его форму, а утром просыпаться засветло, чтобы успеть погладить одежду тяжёлым чугунным утюгом, для которого всю ночь во дворе тлеют угли.

Каждый раз, встречая его у порога, она замирает в страхе, что он заметит что-то неладное. Он содержит свои вещи в идеальном порядке, и требует от неё, чтобы она соответствовала его требованиям. Кавада немногословен, иногда откровенно груб, но за все эти дни ещё ни разу не прикоснулся к ней. Гён Ран знает, что этого не избежать, но в глубине души надеется на то, что он передумает и найдет себе кого-нибудь другого.

Хотя, если он потеряет к ней интерес, то сразу приведёт в свой дом другую – любая может стирать одежду, готовить ужин и убираться в доме. Тогда Гён Ран, скорее всего, точно будет казнена. Значит, Ин Су и Мин Хо останутся совсем одни. Они и сейчас одни, но, по крайней мере, она может надеяться на то, что когда-нибудь встретится с ними. Она тщательно обдумала свою ситуацию, взвесила все плюсы и минусы, и решила, что лучше ей остаться в живых, чем стать удобрением на рисовых полях. Каждую ночь, засыпая в чужом доме, Гён Ран думает о том, что делают её братик и сестренка. Ужинали ли они? На какой постели им приходится спать? Умылся ли на ночь Мин Хо? Крошка Ин Су никогда не забывает умыться свою чумазую рожицу перед тем как лечь в постель, а вот Мин Хо частенько отлынивает.

«Скоро эта война закончится. Скоро мы будем вместе, и я буду заботиться о вас», – улыбаясь, думает Гён Ран каждую ночь.

Кавада спит очень тихо, его дыхания почти не слышно, и иногда она просыпается посреди ночи, надеясь, что он умер во сне. Немного подумав, она одергивает себя, напоминая, что он – её единственный шанс когда-нибудь вернуться к младшим.

Ей часто снятся малыши. Они плачут и жалуются на соседку, которая забывает их покормить, заставляет работать и будит по утрам слишком рано. У малышки Ин Су красные глазки, опухшие губы и

расцарапанные щеки. Гён Ран тоже плачет во сне и обещает, что вернётся домой как можно скорее, и тогда им не придется работать и просыпаться слишком рано. Она обещает, что купит Ин Су ещё десять таких же красивых стеклянных шариков с разными зверюшками внутри, обещает Мин Хо, что отправит его в школу этой же осенью. Наутро она встает с тяжелой головой и принимается за работу с удвоенным рвением. Война скоро закончится, ни к чему сейчас умирать.

Через неделю такой жизни Гён Ран начинает привыкать к чужому дому, вырабатывает свои привычки и осваивается с хозяйством. Придерживаться заданных правил оказывается совсем несложно, и она механически выполняет всю свою работу, перестав бояться вечерних возвращений Кавады. По ночам он даже не приближается к её комнате, и девушка уже начинает думать, что он, должно быть, пошутил насчет совместного сна.

Ровно через семь дней после её переезда, ей приходится принять тот факт, что капитан Кавада не умеет шутить.

Она только что закончила мыть посуду, и даже не успела снять фартук. Когда она раскладывает посуду в деревянном шкафу, Кавада подходит к ней со спины и дёргает тесемки, на которых держится фартук. Он никуда не торопится, и будь он её знакомым, то Гён Ран сочла бы эти движения волнующими, но сейчас она просто замирает на месте.

Не останавливаясь, не делая перерывов и не давая ей освоиться с его близостью, Кавада расстегивает пуговицу на спинке её платья, раскрывает горловину и спускает верхнюю часть с плеч. Её спина открыта, и Гён Ран зажмуривается, ожидая, когда он развернет её к себе, но Кавада оставляет платье в покое и принимается за её косу, развязывая ленту и распуская длинные чёрные волосы. Лишь после этого он уверенно берёт её за плечи и разворачивает её к себе лицом, не глядя ей в глаза. В его лице по-прежнему нет никаких эмоций, хотя руки продолжают своё дело, стягивая платье, освобождая рукава и сбрасывая его на пол. Она инстинктивно прикрывается руками, но холодный голос Кавады останавливает её:

– Опустит руки. Скоро ты к этому привыкнешь.

Он не собирается расстегивать свою рубашку, будто и не думая раздеваться вообще. Кавада по-прежнему полностью одет, и Гён Ран думает, что это несправедливо. Глядя на его одежду, она чувствует себя ещё более уязвимой. Ей хочется сжаться и закрыться, но она не осмеливается мешать ему.

После того, как его руки достаточно изучили её тело, Кавада наклоняется за платьем, вручает его ей и говорит:

– Иди в спальню.

Совершенно ясно, что речь идёт не о маленькой комнате, где она обычно проводит ночи. Гён Ран ощущает, как дрожат её ноги, пока она идёт впереди него. Она чувствует, что он продолжает смотреть на неё, наблюдая за каждым движением.

Он не пытается дотронуться до неё губами, ограничиваясь прикосновениями рук, но зато его глаза безотрывно следят за ней, улавливая малейшие изменения в выражении глаз, фиксируя движения губ и бровей. Словно он изучает её.

Гён Ран чувствует, как от его неторопливых прикосновений внутри пробуждаются какие-то незнакомые ощущения, она пытается заглушить их, считая, что это неправильно, тем более рядом с японским офицером, но Кавада не оставляет её ни на секунду, и тепло, зародившееся в животе, растёт и расширяется, заполняя всё её тело. Капитан приподнимается, разводит её колени и кладет свою ладонь на её губы, прежде чем сделать шаг, после которого уже нет возврата. Гён Ран и не думает кричать.

Так больно ей ещё никогда не было. Физическая боль сливается с чувством вины за то, что произошло. Гён Ран лежит в своей постели, думая о том, что Кавада остался лежать на испачканной красным простыне. Он отпустил её сразу же после того как всё закончилось, сказав, что она может уйти. Может быть, другая на её месте и обиделась бы, но Гён Ран только рада тому, что может полежать отдельно от него.

Понял ли он, что она не стыдилась его? Почувствовал ли, что она не боролась даже сама с собой?

Ей должно быть больно. Ей должно быть стыдно. Так её воспитали, так правильно, так заведено. Но от того, что эта ночь не принесла ожидаемых страданий, Гён Ран чувствует себя испорченной

и никчемной тварью. Настоящая, воспитанная и благонаправная девица проплакала бы всю ночь напролёт после такого свидания. Благочестие не подразумевает того, что она ощутила под руками капитана этой ночью. Гён Ран корит себя, но не чувствует отвращения к Каваде, который был с ней достаточно обходительным. Ей плохо от того, что она открыла в себе эту грязную и неподобающую черту. Она ещё не может охарактеризовать и дать название тому, что осознала, но точно знает, что это – настоящий позор, который не отмыть даже через пятьдесят лет.

Глава 5

С тех пор дела пошли иначе. Кавада стал возвращаться домой несколько раньше, и, что удивляло Гён Ран больше всего – разговаривать с ней. Было очевидно, что эти странные беседы доставляли ему непонятное удовольствие, хотя чаще всего они выводили её из себя. Увильнуть от этого не представлялось возможным, и Гён Ран терпеливо сидела рядом с ним, отвечая на его вопросы и честно высказывая своё мнение.

Ещё во времена учебы в школе она поняла, что имеет свой собственный взгляд на вещи, но тогда же ей пришлось осознать, что свои мысли лучше держать при себе. Открытое выражение своего мнения никогда не приносило ей ничего кроме проблем, и потому ещё лет пять назад Гён Ран решила, что больше никогда не станет открывать кому-то свои истинные соображения.

Каваду это мало заботило, и он продолжал каждый вечер выпрашивать у неё подробности её жизни. При этом её ответы не оказывали на него видимого влияния, но к его холодной манере общения Гён Ран уже успела привыкнуть.

– Так значит, ты обучалась медицине? – сидя на плетеной циновке, уточнил он, ожидая, что она послушно повторит то, что только недавно сама сказала.

– Да.

– Необычный выбор, наверняка сделанный твоими родителями за тебя. И нравилось тебе учиться?

– Да.

– Наши девушки всё больше учатся для того чтобы потом пойти работать на фабриках или заводах. Сейчас как раз идёт период стажировки, так что все они пристроены на предприятиях. А ты, как я понимаю, это лето должна была провести в доме.

– Да.

Кавада молчит и, прищурившись, смотрит на неё, по всей видимости, пытаясь придумать вопрос, на который она не смогла бы ответить одним словом.

– Война калечит нас, – задумавшись, говорит он. – Там, в Европе, как ты говорила, всё уже давно закончилось. – Очевидно, он устал вытягивать из неё ответы, и решил поговорить сам. – Здесь дело тоже движется к концу. Я не знаю, к чему именно мы идем, но, очевидно, что после такой разрушительной войны у проигравших и победивших не будет особых различий. Как знать?

Гён Ран никогда не слышала, чтобы японские офицеры рассуждали о войне с посторонними. Ей казалось, что они даже между собой не говорят о том, что их тревожит. Однако Кавада – тот самый безупречный, холодный и расчётливый Кавада – по каким-то непонятным причинам говорит с ней.

– Я не знаю, – тихо отвечает она, опуская взгляд. – В нашем доме войны ещё не было.

– В вашем доме уже сорок лет идёт война, – поправляет её Кавада. – Вы так привыкли к ней, что уже и не замечаете того, что происходит.

– Не знаю. Может быть, – задумчиво соглашается Гён Ран.

– Думаешь, если мы уйдем, то вам станет легче жить? После стольких лет протектората вы ещё не скоро привыкнете к жизни без режима. Скорее всего, вас всё равно не оставят в покое. Или советы или американцы – кто-то придет сюда, чтобы занять наше место. Как думаешь, вы сможете устоять в те времена?

«Ты бы лучше о своей земле подумал», – нахмурившись, думает Гён Ран.

– Хотя тебя это, конечно, не волнует. Ты думаешь только о своих младших родственниках, и ни о ком больше. Политика, где бьются большие киты, тебя не занимает, хотя именно от них зависит то, как будет житься маленьким криветкам вроде тебя и твоей семьи.

– Что толку от моих размышлений?

– Толк есть всегда. Выживать-то ты собираешься? Мы уйдем, ты вернешься к своим младшим, и тогда главой дома станешь ты. Твоя мать распорядилась этой властью неразумно, а расплачиваться приходится тебе. Совершишь ошибку ты – отвечать будут дети. Уверен, что ты этого не хочешь, ведь как я понял, ты привязана к ним сверх меры.

С тех пор, как она узнала о том, что её матери больше нет, Гён Ран впервые слышит упоминание об этой женщине. Любила ли она её?

Определённо, ей была небезразлична судьба матери. В день, когда погиб отец, Гён Ран больше плакала не от горечи утраты, а от того, что беспокоилась о том, как станет жить её мама, вытягивая двух маленьких детей. Она всегда помнила о ней, даже в те дни, когда училась в Сеуле. Но почему сейчас, когда её нет в живых, Гён Ран так редко вспоминает о ней? Все её мысли обращены только к братику и сестрёнке, и девушка уже давно не задумывалась о причинах гибели своей матери.

– От чего погибла моя мать? – неожиданно спрашивает она.

Зачем ломать голову и строить догадки, если можно спросить напрямую у человека, который уж точно всё знает. Несмотря на то, что они уже две недели делят постель, Гён Ран не уверена, что Кавада даст ей ответ.

– Несчастный случай. – Он лжёт, повторяя свою версию событий.

– Какой именно? – упорствует Гён Ран. – Мать никуда не ходила, только на поле работала и смотрела за домом. Что за несчастный случай мог приключиться?

– Могла под трактор попасть, – холодно отвечает Кавада с таким видом, словно она должна быть ему благодарна за то, что он сидит напротив и обманывает её.

Гён Ран стискивает зубы так, что начинает ломить виски. Перед глазами всплывает уродливая картинка из учебника, который они прошли ещё на первом курсе. Груда костей и мяса, раздавленная на черной земле, а под ней подпись: «Человек, которого переехал трактор». То, что там было изображено и на человека-то уже не походило. Гён Ран гонит картинку прочь, но жуткая красная форма никуда не желает уходить.

– Что ж ты такая впечатлительная? – растягивая гласные на японский манер, улыбается Кавада. – Если я скажу, что она утопилась в реке, тебе полегчает?

Девушка вскидывает голову и глядит прямо ему в глаза. Вот теперь он не лжёт, и это должно принести облегчение, но отчего-то теперь ей кажется, что лучше бы мать и вправду попала под трактор. Упрямая картинка испаряется сама собой.

– Утопилась? – переспрашивает Гён Ран.

– Все селяне умеют плавать, разве нет? – Несмотря на прилежную улыбку, глаза у Кавады остаются холодными. – Там, где её нашли,

было слишком мелко, чтобы утонуть.

– Она не могла так поступить, – поражённо шепчет Гён Ран, ни к кому конкретно не обращаясь. – У нас же малыши остались. Как же так?

– Если бы по моей вине ребенок попал в застенки, я бы тоже пожелал умереть.

У японцев особые отношения с суицидом, и все это знают. То, что он так легко говорит о самоубийстве, несколько не удивляет Гён Ран. А уж если дело касается позора и бесчестья – так они вообще считают за честь вонзить себе нож в живот.

– Я ведь нарочно тебе сразу не сказал, но раз уж ты такая настойчивая, что поделаешь.

В эту ночь Кавада не прикасается к ней. Они лежат в одной постели, и Гён Ран знает, что он не спит, но его руки сложены на животе, и сам он делает вид, что давно уснул. Немного посомневавшись, она поднимается, усаживаясь на простыне, и уже думает о том, чтобы встать и уйти в свою комнату, но Кавада резко открывает глаза, так что Ген Ран даже вздрагивает от неожиданности.

– Лежи спокойно, пока не заснёшь, – говорит он, а потом снова опускает веки, даже не пошевелившись.

Ей кажется, что так ночь будет ещё дольше и утомительнее, но на деле Кавада оказывается прав – если не двигаться, сон приходит сам собой. Даже мысли о матери и детях не способны заставить её бодрствовать всю ночь напролет.

Это первый раз, когда они лежат рядом до самого утра.

Ещё через неделю в дом стучится невысокий ефрейтор, в руках которого Гён Ран замечает белый конверт. Он будто совсем не удивлен тем, что дверь открыла именно она, и когда девушка обращается к нему, пытаясь выяснить, зачем он явился, на его лице не отражается никаких эмоций.

– Это пришло для капитана Кавады.

У капитана Кавады почти не случается выходных, но те, что были за прошедший месяц, тянулись долго и мучительно. Гён Ран не знала, куда спрятаться в маленьком доме, а оставаться у него на виду было страшно неловко, и она целый день слонялась из дому во двор,

пытаясь найти себе применение. Сегодня у Кавады ещё один выходной, и Гён Ран надеется, что письмо вытащит его из дому, а ей удастся остаться одной хоть ненадолго.

Она кивает и приглашает ефрейтора в дом, осторожно подходя к своему хозяину и негромко оповещая его о том, что в дом явился его подчиненный.

После этого она выходит на улицу, чтобы не мешать беседе, но через пару минут ефрейтор снова показывается в дверях и, учтиво кивнув ей, удаляется туда, откуда явился.

После этого капитан зовёт её в дом и интересуется, готова ли его форма. Гён Ран радуется, что по привычке приготовила его одежду ещё рано утром, и теперь не нужно бегать и раздувать угли для тяжелого утюга. Кавада удовлетворенно кивает и просит, чтобы она помогла ему одеться.

Поначалу её смущали эти обязанности, но потом она вспомнила, что ещё в те годы, когда о войне не было даже слухов, мать рассказывала ей, как в японских семьях жёны ухаживают за мужьями. Тот факт, что она – вовсе не его жена, по всей видимости, ничего не значил. Она встречала его с работы каждый день, помогала раздеваться, а после того, как они начали делить постель, к её обязанностям прибавилась ещё и ванная. Предполагалось, что как медсестра и его любовница, она не должна была стыдиться обнаженного мужского тела, но каждый раз, когда ей приходилось стоять рядом с деревянной бочкой, наполненной горячей водой, Гён Ран чувствовала, что краска, заливающая её лицо, не имеет ничего общего с высокой температурой. Проще всего было помогать ему одеваться, так как здесь от неё не требовалось ничего кроме как подавать ему одежду и поправлять воротник.

Гён Ран бросает взгляд на настенный календарь, усеянный японскими иероглифами. Воскресенье. Пятое августа сорок пятого года.

Кавада не приходит всю ночь, и Гён Ран дисциплинировано ждёт его, хотя ей ужасно хочется спать. Когда время переваливает за полночь, она не выдерживает и ложится в своей маленькой комнате, обещая самой себе, что только вздремнет несколько минут.

Когда она открывает глаза, за окном совсем светло. Кавада до сих пор не появился. Такого никогда ещё не было, и Ген Ран ощущает нечто вроде беспокойства, что очень сильно удивляет её. Она уверена в том, что не должна волноваться и переживать за японского офицера, но внутри растёт плохое предчувствие, которое не желает никуда пропадать, сколько бы она ни пыталась заглушить его усердной работой и чтением.

Хозяин дома возвращается только поздно вечером. Его форма необычно потрёпанная, а глаза уставшие и кажутся воспалёнными. Несмотря на то, что его не было в доме больше суток, Кавада отказывается от ужина, заменив его долгой горячей ванной. После этого он укладывает её рядом с собой и гасит огни.

– Знаешь, в нашей культуре любовь к женщине формально не существует, – шепчет он, накрывая своей ладонью её руку, лежащую на животе.

Гён Ран молчит и ждёт продолжения, но Кавада вздыхает и начинает говорить уже совсем о другом.

– Не могу отправить телеграмму матери. Нет ответа. Слово все вымерли в этом проклятом городе. Отсылаю послание за посланием, но никто не подтверждает приём.

– В каком городе живет ваша мать? – чуть слышно спрашивает Гён Ран.

– В Хиросиме, – отвечает Кавада.

С Хиросимой целый день нет связи. В половине восьмого утра мать Шуго Кавады вышла из дому, направляясь на фабрику, где работала каждый день с половины девятого утра до шести часов вечера. В восемь пятнадцать её путь пролегал через мост Айои, который в этот же самый момент был использован в качестве наводки для прицельного метания первой атомной бомбы, испытанной на населённом пункте. К тому времени, как её сын принялся отсылать ей послания, женщина уже давно превратилась в пар и унеслась с отравленным воздухом Хиросимы, оставив после себя только тень, вплавившуюся в бетонное покрытие моста.

Глава 6

В четверг вечером Кавада вернулся очень поздно. На сей раз Гён Ран решила дождаться его, и, очевидно, не ошиблась. Он молча переоделся, принял ванную и снова отказался от ужина.

– Вам нужно есть, – рискнула сказать Гён Ран, наблюдая за тем, как он двигает посуду на противоположный край стола. – Вы не можете постоянно отказываться от ужина.

– И почему же это? – Кавада почти удивлённо смотрит на неё.

– Вы плохо спите и почти ничего не едите. Скоро заболеете, если так и будет продолжаться.

– Тебе должно быть всё равно. Я тебе не муж и не брат, так что твои дела не касаются моего здоровья.

Гён Ран обиженно хмурится и принимается убирать посуду со стола.

– Всё верно, – как можно безразличнее говорит она, повернувшись к шкафу, чтобы сложить нетронутые чашки на место. – Вы мне совсем чужой, да к тому же ещё и враг. Так что если вам вздумалось умереть от истощения, я должна помочь вам достичь своей цели, а не уговаривать остаться в живых.

– С памятью у тебя проблем нет, – невесело ухмыляется Кавада, видимо, припомнив свои собственные слова в день допроса.

«Если человек так хочет умереть, не наша забота убеждать его в том, что лучше остаться в живых».

– Ты должна поужинать, если не хочешь умереть вместе со мной, – говорит Кавада, доставая из кармана пачку сигарет. До этого момента Гён Ран не замечала, чтобы он курил.

– Я не хочу.

– Дело твоё. Моя мать умерла, – совершенно ровным голосом говорит Кавада. – Ещё три дня назад, рано утром. И ещё триста тысяч человек вместе с ней.

Гён Ран замирает, держась за деревянную дверцу шкафа, не зная верить его словам или нет.

– Ты, наверное, думаешь о том, что такого не может быть, если только с океана не явилась тяжёлая волна. Хотя, я думаю, даже волны

было бы недостаточно, чтобы стереть Хиросиму в порошок.

Наконец, Гён Ран отпускает дверцу, так и оставив её незапертой, и возвращается к низкому столу, присаживаясь на пол напротив Кавады.

– Хиросиму? – осторожно переспрашивает она.

Кавада спокойно курит и только кивает, видимо, не находя в себе сил чтобы повторить собственные слова. Его взгляд болезненно влажный, и Гён Ран видит, как под смуглой кожей ходят желваки, когда он стискивает зубы.

– В общем, я нарушаю свод законов, говоря тебе об этом, но, по моему, катастрофу таких размеров всё равно растреляют на весь мир, сколько не скрывай. В понедельник, ровно в восемь сорок пять утра на Хиросиму была сброшена бомба. Предположительно атомная.

– Атомные бомбы – это всего лишь выдумки. Может быть, кто-то ошибся?

– Ошибся? Хотел бы я, чтобы это было ошибкой.

– Но профессор Ким говорит, что до изобретения первой бомбы ещё далеко, может быть лет десять.

– Для нас – возможно. А в Америке всё уже давно изобрели и в качестве испытательного полигона воспользовались Хиросимой. Одним из самых красивых городов Японии. Городом, где я родился и вырос.

Гён Ран опускает взгляд, пытаясь скрыть слёзы и не зная, что ещё можно сказать.

– Ты искренне сочувствуешь мне, Гён Ран, – мрачно улыбается Кавада. – Что ты за человек? Я отнял у тебя свободу, заставил жить в этом доме, разлучил с теми, кого ты так сильно любишь, и ты всё равно жалеешь меня?

– Нет. Но умерло столько людей, как тут не плакать.

– Моя мать официально пропала без вести, как и ещё пять тысяч человек. Благодарю предков за то, что она так и не узнала, что её младший сын умер на Яве в прошедшие выходные.

Так вот о чём была та телеграмма, которую Кавада так настойчиво отсылал своей матери? Гён Ран до крови закусывает губу, пытаясь не разрыдаться в голос. От Кавады исходит почти физическое ощущение боли, и она чувствует все его страдания даже на расстоянии.

Тем временем капитан продолжает:

– «Пропала без вести» – красивые слова. Мне нравится, как они звучат. В школе я увлекался историей, думал, что мир можно изменить, если учесть опыты прошедших лет. Изучал подробности событий, которые даже не входили в школьную программу. Тогда я и наткнулся на книгу о Гражданской Войне в США. Слышала о такой?

Гён Ран никогда не любила историю и честно мотает головой, зная, что дрожащий голос может предать её.

– Ближе к концу была такая операция, проходила она в лесах. Если я не ошибаюсь, её называют «Глушь». К несчастью, вспыхнул пожар. Время выпало летнее, засушливое и дождей как раз уже несколько недель не было. Тогда несколько сотен человек «пропало без вести» в этой Глуши. Проще говоря, сгорело заживо. – Кавада делает глубокую затяжку и медленно выпускает дым через ноздри. – Вот и в Хиросиме пять тысяч пропало без вести. Исчезло после огненного смерча, который прошёлся как раз по центру города.

Этой ночью они снова лежат рядом, и Кавада даже не думает предъявлять свои права – он слишком занят своим горем, хотя и старается сделать вид, что ему всё равно.

– Я знаю, что ты не спишь, – вздыхает он после получаса неподвижного лежания.

– Не сплю.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Пока ты ещё здесь, хочу сделать для тебя что-нибудь, да не знаю, чего бы ты хотела.

– Не знаю, – задумчиво отвечает Гён Ран. – Не знаю. Мне ничего не хочется.

– Забудь о том, что я – японский офицер. Мы уже в понедельник заплатили за все свои нанкинские грехи, уж будь уверена. Моя мать, как и твоя – уже мертва. Мой брат так далеко, что я не уверен, что смогу встретиться с ним в загробной жизни, а твои младшие родственники в пяти километрах от тебя. Окажи мне любезность, скажи, чего ты хочешь.

– Я ничего не хочу. – Гён Ран не лжет. – Вы думаете, что это ваша расплата за Нанкин?

– И не только за него. Но за тех китайских женщин и стариков – точно. Наверняка их души радуются там, за туманом и рекой. Души

тех, кто сидел в колодцах, когда вниз сбрасывали связки гранат. Души тех, кого измучили в публичных домах. Сейчас они смеются.

– Не может такого быть, – возражает Гён Ран. – Наверняка они не стали бы радоваться. И никто бы не стал.

– А когда я умру, ты разве не улыбнешься? Ни разу?

– Нет.

– Почему? В Японии принято говорить о покойниках с улыбкой на губах, разве ты не знала?

– Я не из Японии, – отвечает Гён Ран.

– И улыбаться не станешь?

– Не стану.

– А я хотел бы, чтобы ты хоть раз сделала это для меня. Хотя ты и так достаточно делаешь. Так значит, думаешь, никто не рад тому, что произошло?

– Думаю, что те, кто в своем уме, будут скорбеть вместе с Хиросимой.

– Те, кто в своем уме, теперь скорбят вместе с Нагасаки, – говорит Кавада на следующий день, едва переступив порог.

Гён Ран отступает на шаг, прикладывая руку к губам. Кавада делает шаг к ней навстречу и обхватывает руками, прижимая к себе. Он сдавливает её слишком крепко, так что ей даже становится больно, но она продолжает молчать.

– Хорошо, – разомкнув руки, говорит он. – Скоро твоё пророчество сбудется.

Он, наверное, очень хочет домой. Гён Ран наблюдает за тем, как Кавада медленно ест, преодолевая очевидное нежелание и отсутствие аппетита. Она думает о том, как ему, должно быть, плохо.

Кавада никогда не даёт волю эмоциям, хотя на словах позволяет себе слишком многое. Рассуждения о религии, о Нанкине и о смерти – совсем не то, о чём мужчины говорят с женщинами. Гён Ран внимательно смотрит на него, пытаясь понять, что же он за человек.

– Хочешь испортить мне аппетит? – не глядя на неё, спрашивает Кавада.

Гён Ран отводит глаза, краснея от мысли, что он её поймал.

– Ты подумала о том, чего бы хотела?

– Нет.

- Почему? Разве мои слова ничего для тебя не значат?
- Не могу ничего придумать.
- Времени остается совсем мало, – вздыхает он. – Думай получше.

Ночью он будит её, осторожно подталкивая в плечо. Она хочет спросить его, в чем дело, но быстро осознает, что его другая рука лежит под её рубашкой, прямо на животе.

– Мы ведь всё ещё живы, – шепчет он.

Это – первый раз, когда он заговорил с ней во время близости. И это первый раз, когда она отдалась ему с охотой, не мучаясь совестью и не сомневаясь в том, что так правильно.

Глава 7

– Мы, скорее всего, покинем страну в ближайшие дни, – задумчиво говорит Кавада, лёжа в постели рано утром. Он сосредоточенно смотрит в потолок и хмурится. – Не знаю, сколько мы ещё продержимся после такого.

Гён Ран молчит и ждёт, что он скажет дальше. Она знала, что это должно произойти, но сейчас, когда её предчувствия сбываются, ей кажется, что события разворачиваются слишком уж быстро.

– Я вернусь за тобой, – немного подумав, вздыхает Кавада. – Обещаю, что заберу тебя отсюда. Ты так и не назвала мне своё желание, и я думаю, что волен сам выбрать тебе подарок.

– Вернётесь? – с небольшим опозданием переспрашивает Гён Ран. – Но зачем?

– Ты не сможешь жить среди этих людей. Наверняка они заподозрят неладное. Ты побывала в застенках и вернешься живой, со всеми пальцами на руках и без шрамов на плечах. Они заметят.

– Что же я буду делать в Японии? – улыбается Гён Ран. Ещё не слишком светло, и она может позволить себе такую роскошь. К тому же, Кавада смотрит прямо перед собой и не видит её лица.

– Жить. Захочешь, будешь жить со мной. Нет – тебе решать. Но, по моему, в Японии тебе будет сложно выжить без мужчины.

– Я языка не знаю, – всё ещё улыбаясь, говорит Гён Ран.

– Выучишь за полгода. Твои младшие родственники, скорее всего, ещё раньше.

– И за ними вы тоже вернётесь?

– Разумеется, – уверенно отвечает он, будто это дело решённое и не подлежащее сомнениям.

Гён Ран прижимается лбом к его плечу, в первый раз прикасаясь к нему по своей инициативе. Даже если его слова – чистое враньё, всё равно это мило.

Кавада, словно не замечая её движения, продолжает свою речь.

– В Хиросиме есть такой странный обычай. Как сейчас помню каждую деталь. Когда парней призывают на военную службу, собираются все их сверстники, которым ещё предстоит получить

повестку. Они становятся в круг на одной из площадей. Все парни моего выпуска были там в тот день, когда я и ещё несколько юношей из моей школы покидали родные дома. Мы стояли в центре площади. Нас было шестеро. Каждого знали по имени. Все остальные построились по краям площади, по периметру, распределившись равномерно. Зазвучали пожелания, слова напутствия и советы. Шутки, конечно. Всё это было еще до войны, тогда никто и не знал, что обратно мы к сроку не вернемся.

А потом они встали кругом, сцепили руки необычным образом – каждый положил руку на плечо соседа. Получилось нечто вроде греческого хоровода. И они стали шагать. Два шага в одну сторону, два шага в другую. Топтаться на месте, проща говоря. Мы стояли в центре, постоянно поворачиваясь, чтобы взглянуть на лица своих друзей, которые танцевали этот странный танец в нашу честь. Каждый второй шаг сопровождался выкрикиванием одной из школ. Всего в городе их было сто семьдесят пять. Они называли каждую.

Я поначалу не понял, для чего это делается. Но потом, когда назвали очередную школу, один из призывников – я помню, что он стоял справа от меня – сделал шаг вперед и поднял руку, призывая всех остановиться. Он был выше меня и казался старше. Я до сих пор не могу забыть, с какой гордостью он выпрямил спину и назвал имя: «Кейко Такеучи, шестнадцать лет». Площадь взорвалась аплодисментами, а я, наконец, вспомнил, зачем они это делают. Как только называют школу, в которой учится возлюбленная призывника, он должен сделать шаг вперед и назвать имя, чтобы его друзья приглядели за ней в его отсутствии, позаботились о её безопасности и прочее. Постепенно и другие стали делать шаг вперед, останавливая танец и называя имена своих любимых.

Я со стыдом и страхом ждал, когда список подойдет к концу. Я был единственным, у кого не оказалось девушки. В нескольких десятках школ не нашлось ни одной девушки, которая заняла бы мое сердце. Ни одну из них я не смог полюбить и назвать её имя. Никогда прежде я не задумывался об этом. Никогда не жалел, что ни с кем не встречался. Но в тот момент мне вдруг захотелось, чтобы и меня кто-то ждал.

Сейчас я понимаю, что оказался счастливым. Сколько ещё парней ушло на службу после этого? Сколько ещё проводили, приняв указания? Может, кто-то из них всё ещё жив. Не представляю, с каким

страхом они думают о своих любимых, которых наверняка унесло огненными смерчем взрыва. Они были такими гордыми, называя своих девушек по именам. Такими взрослыми и ответственными я их ещё не видел.

Когда список закончился, я тоже сделал шаг вперед и признался в том, что никто не будет ждать моего возвращения. Так было нужно. Можно было солгать, что моя любимая живёт в другом городе, но я не стал так поступать. К чему?

Гён Ран молчит, слушая его рассказ и представляя себе эту церемонию. Наверное, это было красиво. Однако ещё больше её интересует другое. Зачем он рассказывает ей об этом?

– Прошло столько лет, – снова вздыхает Кавада. – Столько времени утекло. Я только сейчас нашёл ту, о которой мне хотелось бы позаботиться, но по злой иронии, не могу никому её поручить. Как всегда, мне придется делать всё самому. Остаётся один последний вопрос. Будешь ли ты ждать?

– Буду, – шёпотом отвечает Гён Ран.

Всё верно. Ей никак нельзя здесь оставаться. Она размышляет над этим весь день, пока его нет дома. Ещё она думает о том, скоро ли он уедет, и как долго пробудет в Японии.

Как же так? Неужели прошло чуть больше месяца, а жизнь успела так сильно измениться? Учёба, тетради и ночные бдения над учебниками остались в прошлой жизни, а она, со своими осиротевшими братиком и сестрёнкой, перешла в другую. Вместе с ней тут оказался японский офицер и атомные бомбы, которые ворвались в этот мир в начале августа. А ещё здесь появилась опасность, от которой она должна бежать. Как все запуталось.

Самое главное, однако, Гён Ран из виду упускает. В её жизни появилось чувство, которое заполнило внутреннюю пустоту, заменив былую озлобленность и усталость на тревожное ожидание и лёгкое волнение, которое просыпается в присутствии Кавады. Может быть, в японской культуре и нет места любви к женщине, но она всё же существует в жизни, и Кавада быстро обнаружил её в себе. Суровая и чересчур ответственная Гён Ран всё ещё не находит в себе ничего подобного. Наверное, виной тому юный возраст и постоянные мысли о младших.

– Моя сестра тяжело больна, – говорит она после ужина, когда Кавада снова беседует с ней, облокотившись о стену. – Это мой секрет. Нет, есть ещё более важный секрет. На самом деле, раньше я думала, что люблю только её.

Рассказал же он ей о своем стыде вчера вечером, настал и её черед для откровений. Они, конечно, не столь романтические, но не менее важные.

– А что же сейчас? – как всегда, почти безразлично интересуется Кавада.

– Сейчас, когда и малышка и Мин Хо далеко от меня, я знаю точно, что люблю обоих. И после смерти мамы я поняла, что люблю её. Даже думать о ней больно. Но Ин Су люблю чуточку больше, чем всех остальных, – отводя глаза, признается она. – Она родилась такой смешной и весёлой, что все вокруг говорили: «Эта девочка подарит счастье любому, с кем свяжет свою жизнь». Верно, так и есть на самом деле. Я перед ней жутко провинилась. Когда я уезжала в город, она очень болела. У неё был сильный жар, и она постоянно просила меня остаться, но мама прикрикнула на неё и сказала, чтобы я не смела задерживаться и пропускать учёбу. Прикрикнула на больного ребенка. И я уехала. Мне так стыдно, когда я думаю об этом. Никто никогда не любил меня так как Ин Су, а я предала её. Бросила в доме, оставила болеть и лежать в одиночестве. – Гён Ран качает головой, прикрывая глаза, словно почувствовав физическую боль. – Даже если бы я умерла, мне бы хотелось, чтобы она выжила и стала счастливой. Наши соседи добры к малышам, может быть, она и останется жива, но будет ли счастлива? Как бы мне хотелось сделать для неё что-нибудь.

– Не говори о смерти, – резко прерывает её Кавада. – И думать забудь о ней. Не тебе умирать, не тебе беспокоиться о том, что уйдешь на покой раньше времени.

– Так, когда же, как не сейчас, об этом думать? – горько улыбается Гён Ран.

Кавада, пристально смотрит на неё, как будто раздумывая, стоит ли говорить ей то, о чём он думает, или нет.

– Не знаю, обратил ли бы я на тебя внимание или нет. Да и вообще, если бы не то столкновение, не знаю, как сложились бы наши дела. Скорее всего, ты стала бы одной из десятков заключённых, которых

мы переправляли в Сеул для рассмотрения дел. Оттуда живыми не возвращались, по крайней мере, мне о таком ничего не известно.

– А как же разговоры о том, что вы сами пытали людей?

– Пытал? Да, нечто вроде этого было, спорить не стану. Да, было такое. Только я никого не бил и не калечил. Угрозы, запугивания, требования, допросы – вот мои орудия. Надо признаться, что пользоваться этим я умею, как никто другой в этих краях. Однако для казни я был обязан переправлять узников в столицу. Ты бы тоже по этому билету ушла, если бы я не увидел в тебе это.

– Что «это»?

– Твою смелость. Никто не смотрел мне прямо в глаза, даже из тех, кто делит со мной службу. Никто не отвечал на прямой взгляд. И сейчас, стоит приблизиться на расстояние вытянутой руки, как все отходят. Будто вокруг меня стеклянная оболочка, которую я всюду ношу с собой. Ты первая разбила её. Я подошёл к тебе совсем близко, но ты не отступила и не отвела взгляда.

Она очень хорошо помнит этот момент. Это было там, во дворе её когда-то родного дома, когда партизаны выходили на улицу, шурясь от непривычно яркого света. Она стояла одна, только что отправив младших к соседке и дожидаясь начала этого адского спектакля, который до сих пор ещё не закончился. Кавада тогда подошел к ней так близко, что она даже почувствовала его тёплое дыхание.

– И я решил, что, наконец, встретил ровню. Не думай, что я считаю себя выше остальных, но я убеждён, что у каждого в этом мире своё место, которое он должен разделить только с одним человеком. Я нашёл тебя.

«Что за галиматья?» – думает Гён Ран.

– Вот почему ты здесь. Вот почему я вернусь за тобой. Так что даже не думай о том, чтобы покинуть этот мир.

Глава 8

Впервые за последнее время Гён Ран выходит за пределы дома. Скорее всего, сюда она больше не вернётся. Кавада должен уехать из страны, так как очень скоро здесь будут американцы. На дворе двадцать шестое сентября.

Странное чувство возникает в её груди, когда она ходит из комнаты в комнату, в последний раз разглядывая стены и обстановку. Особо смотреть не на что – мебели почти что нет, да и никаких украшений тоже. Она удивляется, что всё это время даже не замечала того, как уныло выглядит этот дом. Теперь, когда все вещи собраны и упакованы, опустевшие помещения кажутся совсем мёртвыми, и Гён Ран зябко ёжится от неприятного мороза, который пробегает у неё по коже. Сомневаясь в том, что это плохие предчувствия, она списывает всё на неловкость от перемены обстановки.

Кавада ждёт её у машины, прямо за воротами. Действительно – ему в этом доме точно искать нечего. Он ещё накануне объяснил ей план действий.

«Мы должны отвезти тебя обратно в тюрьму. Чтобы у других не было подозрений, понимаешь? Ты пробудешь там до тех пор, пока не придут американцы, которые и освободят тебя вместе с остальными. Скажут, что в спешке мы оставили заключённых, не стали тратить время на казни. Пусть никто ничего не знает, так лучше».

Гён Ран во всем соглашается с Кавадой, с тоской думая о том, что о её безопасности он позаботился, в то время, как о том, что будет с ним, ничего не известно. Ей всё время хочется коснуться его руки, но она держит ладони за коленях, не решаясь проявить инициативу. Они прожили в одном доме не один месяц, но она до сих пор чувствует какую-то робость в его присутствии. Ей ужасно не хочется, чтобы он уезжал.

Никто из подчиненных не задаёт вопросов. Даже когда он проводит её в прежнюю камеру, никто не смотрит в её сторону. Мимо проходит тот самый секретарь в круглых очках, который допрашивал Гён Ран в первые дни, но даже он делает вид, что не знает, кто она такая.

Скоро он закроет дверь на замок, повернется и уйдет. И будет всё как прежде. Гён Ран боится, что больше никогда не увидит его. Чувство тревоги нарастает с каждой минутой, и она уже готова действительно взять его за руку, чтобы почувствовать, что он пока ещё рядом.

Когда над головой нависает знакомый облезлый потолок, Гён Ран разворачивается к Каваде. В глазах паника.

– Я знаю, ты здесь уже бывала, но почему-то других пригодных камер нет, – пожимает плечами он. Наверное, подумал, что она испугалась или почувствовала себя ужасно в знакомой камере. На самом деле причина её страха в совсем другом.

– Вы ведь вернётесь? – робко спрашивает она.

– Конечно. Раз обещал, значит вернусь.

– А что если не получится? Документы и прочие формальности? Кто вам разрешит въезжать в страну с военным удостоверением и японским именем?

Кавада, наклоняет голову и глядит на носки своих, как всегда, до блеска начищенных сапог. Когда он поднимает голову, в его глазах горит странное выражение, которое почти пугает Гён Ран, так что она даже делает шаг назад.

Он дотягивается до её лица и, взяв его в ладони, прижимается губами к её губам. Гён Ран удивлённо замирает. Прежде они никогда не целовались. Она и не знала, что так вообще может быть. Его немного обветренные упругие губы почти болезненно сливаются с её, и она прикрывает глаза, желая хотя бы на время забыть о том, что им предстоит разлучиться и бог знает сколько времени прожить в неизвестности.

– Теперь я знаю, что ты будешь ждать меня, – едва отстранившись от нее, шепчет Кавада. – Назови меня по имени, – неожиданно требует он, всё ещё держа её лицо в ладонях.

– Капитан Кавада.

Он качает головой:

– Назови меня по имени, Гён Ран.

– Шуго, – осторожно, словно боясь что-то испортить, говорит она.

– Хорошо, – кивает он. – А насчет документов ты не беспокойся. У меня уже всё есть.

Проходят дни. Перед тем как покинуть базу совсем, Кавада распорядился, чтобы ей принесли воды. Кто знает, сколько ещё ей придется просидеть под замком?

Однако даже этой меры уже недостаточно. Гён Ран лежит на полу, прислонившись спиной к холодной стене. Вода уже давно закончилась, и всё, что теперь остается – это спать, пока не умрешь. Заспать себя до смерти – самый лучший выход. Ей кажется, что уже никто и никогда не придёт.

На третий день она слышит чьи-то шаги, гулко раздающиеся по коридору. Или ей просто кажется? За это время она уже несколько раз ловила себя на слуховых галлюцинациях, когда желаемое принималось за действительное. Однако на сей раз другие органы чувств тоже отзываются, словно сбросив оцепенение. Пол под ладонями начинает чуть заметно вибрировать, говоря о том, что чьи-то тяжёлые ботинки действительно расхаживают по коридору. Вскоре громоздкая дверь отъезжает на петлях, и Гён Ран видит перед собой светловолосого высокого мужчину в армейской форме.

Она свободна.

Разве не ради этого она пыталась выжить? Гён Ран идет по той же пыльной дороге, что и все остальные освобождённые. По той же самой дороге, по которой шла в начале июля, неся на плече мешок с пожитками и подарками для родных. Целая вечность минула с той поры. Та Гён Ран была наивной дурочкой.

Впрочем, времени на ностальгию не остаётся – впереди не менее волнующая встреча с малышами. Гён Ран пытается идти как можно скорее, но ноги не слушаются её.

К тому времени, когда она достигает родной улицы, ей кажется, что всё происходящее нереально. Кавада, ожидание, надежды и страхи – всё это отходит на второй план, отступая перед нетерпеливым предвкушением встречи с младшими.

Странно – соседский дом пуст. Разве Кавада не говорил о том, что Ин Су и Мин Хо остались с той соседкой, что живёт за забором заднего двора?

После нескольких попыток постучаться погромче, Гён Ран обессилено опускается на землю, облокотившись о деревянный забор. Так её и находит та самая соседка.

Почему-то детей с ней рядом нет.

Вместо приветствия женщина кивает, глядя на её платье.

– Ты в другой одежде, – говорит она.

– Что? – не понимает Гён Ран.

– Когда тебя забирали, ты была одета в другое платье.

Гён Ран опускает взгляд, рассматривая себя. И правда – сейчас она одета иначе. Хотя, кому какая разница, во что она была одета? Кто помнит её старое платье?

– Где мои братик и сестрёнка? – устав от бесконечного ожидания и решив больше ни на что не отвлекаться, спрашивает Гён Ран.

– У моей сестры.

– Я хочу их увидеть.

– Для начала нужно кое-что сделать.

Разрушенный город, от которого не осталось даже руин, наводит на Шуго тоску. Среди оплавленных кусков асфальта и разбитых вдребезги зданий, щепки которых смешались в одну кашу, не найти ни дорог, ни улиц. Хиросима – как открытая рана. Вокруг беспокоятся люди, которые уже научились ориентироваться в этом беспросветном буйстве разрухи. Они снуют взад и вперед, сосредоточенно переговариваясь. В воздухе звенит слово «клиника».

Он полагал, что попав в родные места, сразу же захочет отдохнуть и отоспаться. Однако городской пейзаж произвёл на него такое впечатление, что о сне приходится забыть. Шуго бродит по когда-то родной улице, где, как он помнит, стояла бакалейная лавка, а рядом его соседка продавала замечательные рыбные пирожки. Это было не так уж и давно.

Теперь всё лежит в мелких осколках и кусочках обгоревшего бамбука. Ничего не осталось. Дом, в котором он жил вместе со своей мамой, прежде чем отбыть на службу, всё ещё на месте, но кроме стен ничего нет. Оконные рамы, косяки, двери, черепица – всё как ветром сдуло. Поддавшись порыву, Шуго поднимается на четвёртый этаж, туда, где когда-то находилась его квартира.

После этого он ещё долго не может прийти в себя. Военное ведомство, которое и без того находится в упадке, выделило ему палатку на окраине города, за бывшей железнодорожной линией. Здесь на удивление тихо, хотя вокруг «расквартировано» ещё много таких

же, как он, бездомных военных. Наверное, все находятся в трансе после такого.

Обгоревшие стены, начисто сметённая мебель, кусочки бумажных обоев и стеклянные потеки на стенах в тех местах, где висели фото в рамочках. Всё это снится ему в первую ночь, перемежаясь с образом Гён Ран.

Кавада думает о том, что должен вернуть в Корею. Через пару дней уже можно выехать, записаться грузчиком на рыболовное судно и отправиться через пролив. Торговля идёт во все времена, хотя и ослабла из-за войны.

На второе утро к нему заходит бывший начальник, а ныне демобилизованный без права на пенсию подполковник Хара. Он говорит о том, что в городском госпитале не хватает санитаров, и хоронить людей совсем некому.

– Все заняты перетаскиванием больных с места на место, так что на кладбище курсирует только одна колонна, а нужно бы больше. Я знаю, что ты можешь помочь. Ты ведь ещё молод.

Таких, как Шуго здесь сотни. Однако помогать горожанам приходят только тринадцать человек.

Такого Шуго ещё никогда не видел. Людей, которые могут лежать только на животе, потому что в момент взрыва стояли спиной к источнику света. Келоидные ожоги, которые кислотными язвами расползаются по коже, пробираясь до мышц и костей. Изуродованные лица, переломанные руки и ноги. Запах тлена во всём. И волосы.

Волосы выносятся из госпиталя мешками. Волосы ещё живых людей. Каждое утро медсестры проходят между рядами коек, приподнимают головы больных и сгребают выпавшие за ночь волосы в мешки. Слои между ними перекладываются пропитанной насквозь кровью бумагой. Ваты и пенициллина давно нет.

Он уже знает почти весь медперсонал, и иногда замечает среди погибших знакомые лица. Врачи и медсестры заражаются неизвестной болезнью, атомной чумой. Они умирают даже быстрее, чем пациенты.

На другом конце города стоит ещё один госпиталь – американский. Горожане ненавидят его, зная, что там проводятся исследования. С момента взрыва прошло почти два месяца, а госпиталь вырос за две недели. Первые дни все были рады, думали, что им помогут излечиться, а потом выяснилось, что американцам только и нужно, что

анализы да сводки в цифрах. Подопытные кролики ходят по улицам. Будущие хибакуся³.

Шуго уже второй день возит умерших в машине. По три раза в день. И ещё по три раза в день привозит новые партии больных. Все они бледные, с чуть синеватым оттенком. Многие уже потеряли рассудок. Шуго думает о том, что и сам очень скоро лишится ума на такой работе. Прошло всего два дня, а ему кажется – вечность.

Наверное, всё дело в том, что он чувствует, как внутри разжигается огонь. Гён Ран нужно поскорее забрать оттуда. Она ждёт его, а он проводит время здесь, просиживая в коридоре между аккуратно разложенными рядами носилок, на которых доживают последние минуты его будущие пассажиры. У него внутри всё горит от нетерпения.

Выходной выбить удаётся только через неделю, и Шуго не терпится собрать вещи, спрятать под нижней рубашкой корейские документы и отправиться в портовую часть. Однако утром судьба совершает неожиданный поворот.

Утром Кавада просыпается от мерзкого ощущения во рту – ему не разомкнуть губ и даже не пошевелить языком. Во рту скопилась запёкшаяся кровь. Атомная чума пришла и за ним.

Глава 9

– Капитан Кавада снова сердится...

Шуго лежит на больничной койке среди умирающих людей и притворяется, что спит. Капитан Кавада не просто сердится – он в бешенстве. Как можно было так оплошать? Почему это случилось именно сейчас, когда он должен быть там, в Корее? Он бы давно сбежал из госпиталя, только вот на ноги не подняться. Шуго тихо ругается и сплёвывает кровь, постоянно сочащуюся из дёсен. Может быть, он умрет уже сегодня утром или к вечеру. Отчего начинается это внешнее кровотечение, никто ещё не знает, но это и не имеет значения. Кто-то встает на ноги и продолжает жить, но большинство погибает, истекая кровью. Если бы знать, к какой группе будет относиться он.

Молодая медсестра подходит к нему и ровным голосом интересуется, как идут дела.

– Кровь всё идёт, – сквозь зубы отвечает Шуго. – И долго мне ещё?

– Как получится, – хмурится она.

Понятное дело, ей тоже не до сентиментальностей. Если рыдать над каждым умирающим, то долго не протянешь. А ещё все они недолюбливают военных. Кого ещё винить в том, что сейчас все они переживают такие сложные времена? Кто ещё виноват в этом? Войну проиграли, отдали свою землю на растерзание, опозорили нацию на ближайшее столетие – и всё это люди в форме и сапогах. И неважно, где они несли службу.

Однако сейчас ему всё равно. Всё, о чем он может думать – это то, что он жутко опаздывает. Кто знает, что сейчас творится с Гён Ран?

Проходит ещё два дня, и та же самая медсестра подходит к нему рано утром. На её лице сияет непривычно искренняя и широкая улыбка.

Обычно Шуго предпочитает не разговаривать с людьми без лишней надобности, но сейчас просто не может удержаться. Всё-таки любопытство свойственно всем нам в равной степени, просто не все могут удержать свои порывы.

– Что-нибудь случилось? – спрашивает он.

Вопрос звучит так, словно он осведомляется о несчастье, но на самом деле, хочет узнать, что хорошего могло случиться за одну ночь. В этом городе теперь почти не происходит ничего хорошего. По крайней мере, с тех пор, как он здесь, Шуго ничего такого не помнит.

– Вчера ночью до нас дошла помощь из Кобе. Прислали целый грузовик акатинки⁴.

Кавада устало прикрывает глаза и тихо осведомляется:

– Полагаете, что акатинка поможет больным не умереть раньше срока?

Медсестра ничего не отвечает, только молча поправляет ему подушку и вздыхает.

Как ни странно, но именно после этого Кавада пошёл на поправку. Благодарить ли акатинку или молодой организм, а может быть все вместе вкуче с тем, что на момент взрыва его не было в городе, но Шуго действительно стал выздоравливать. На это потребовалась полная неделя, но размышляя о том, что он вообще мог погибнуть, капитан приходит к выводу, что ему ещё повезло. Сейчас всё позади. Неважно, рано или поздно, но он доберётся до корейского берега и выполнит обещание.

Через два дня после освобождения Гён Ран поняла, что показывать детей ей не собираются. Соседка ни словом не обмолвилась о том, где живёт её сестра, а потому идти и искать малышей она не может. Приходится ждать, стиснув зубы и работая вместе со всеми остальными на поле. К концу второго дня она уже подумывает о том, что должна бы броситься на соседку с кулаками и выбить у неё нужные сведения, но в это время к ней заходит целая делегация из бывших соседей и близких.

Они знают о том, что она жила в доме капитана Кавады. Они все его ненавидят. Как она могла? О чём она думала? Разве не ради свободы её мама отдала свою жизнь?

Гён Ран слушает, опустив голову и закрыв глаза. Что она может сказать в своё оправдание? Как им объяснить? Да и стоит ли?

Теперь, только теперь в ней поднимается обида на мать. Этим людям не объяснишь, что во всём виноваты необдуманные решения Ёнг Хи. Ведь начинала все это не Гён Ран, верно? Если бы японцы

пришли хотя бы на день позже! Если бы она успела перепрятать повстанцев! Всё могло быть совсем иначе. Но кому это можно сказать? Заварив всю эту кашу, Ёнг Хи ушла героиней в глазах селян, а Гён Ран, которая пыталась всего лишь выжить и встретиться со своими малышами, стала предательницей.

Оказывается, они все отлично помнят, что она с самого детства такая – ненадёжная гадкая девчонка, которая в любой момент может предать всех, кто рядом с ней. Как она могла согласиться на проживание с японским капитаном? С тем, кто мучил жителей деревни, держал их в страхе и устанавливал свои дикие порядки? Ведь её мама, считая, что дочь попала в застенки и теперь мучается от пыток и издевательств, покончила жизнь самоубийством. А она, оказывается, и не страдала вовсе. Разве ей не стыдно?

Кому расскажешь о тех днях, когда ей не давали спать и есть? Будто это что-то изменит. И аргумент «Я всего лишь хотела остаться в живых» выглядит тусклым и неубедительным. Через час допросов и обвинений ей уже и впрямь кажется, что лучше ей было действительно умереть. Может быть, они и правы? Может быть, так было бы лучше? Ах, если бы можно было повернуть время вспять!

Голова постепенно тяжелеет, и знакомое оцепенение, которое накатывало на Гён Ран после долгих и однообразных японских допросов, возвращается к ней уже в собственном доме. Она бы уже отключилась, но единственная мысль, которая огоньком горит на краю сознания, не отпускает её. Она не увидит младших. Ей просто не позволят. Никогда.

Получается, всё было напрасно? Это что же, выходит, что она зря цеплялась за свою жизнь? Гён Ран устало зажмуривается, пытаясь отогнать неприятные мысли.

Может быть, надежда и умирает последней, но после трёх часов непрерывных обвинений, даже она начинает исчезать.

Самое страшное заключается в том, что вокруг неё находятся люди, от которых и сбежать некуда. Отсиживаясь в сырой камере, Гён Ран продолжала надеяться на то, что этот кошмар может закончиться. Да и получать угрозы от врагов куда проще, чем сносить обвинения тех, кто живёт по соседству. Ещё три дня ей позволяют ходить на поле вместе с остальными, но теперь многое изменилось. С ней не разговаривают.

Бойкот? Гён Ран невесело ухмыляется. Могли бы и не напрягаться, всё равно ей уже жизнь не мила. Скорее бы вернулся Кавада.

Может, это и глупо, но она ждёт его возвращения. Пусть все беды начались из-за него (да, она все-таки считает его виноватым, пусть и только отчасти), но ведь он обещал вернуться. Может быть, там, на чужой земле ей будет легче сносить трудности.

Даже не разговаривая с остальными, Гён Ран понимает, что в деревне нашлось ещё три человека, которым объявлен бойкот. Все они находятся на виду у остальных – словно в аквариуме. Что же делать?

Первая женщина, по мнению остальных, предала собственного мужа. В чём именно заключалось предательство, Гён Ран не понимает. Да и время ли сейчас разбираться? Постепенно детали проясняются, особенно после того, как они оказываются на соседних рисовых террасах.

Да, она действительно предала мужа. Как она это сделала? Очень просто – после того, как он попал в застенки, она бросила его родителей. Они не умерли с голоду – они ещё не настолько стары. Жалеет ли она? Нет, отчего-то ей не жаль. Гён Ран не задаёт вопросов, но женщина упрямо выкладывает ей всё, что только может сказать. Все знают, что она бросила родню мужа и ушла жить в свой заброшенный дом, равно как и знали о том, что он изменял ей всю недолгую супружескую жизнь. Как знали о том, что избивал её, оскорблял её родителей, пока те ещё были живы. Как знали о том, что они всей семьей держали её, словно рабыню. Все об этом знают.

Ещё одна женщина донесла на свою соседку. На такую же глупышку, какой была мать Гён Ран. Та укрывала в своём доме повстанцев, прекрасно зная о том, что в другой половине дома живёт семья с маленькими детьми. Когда пришли японцы, стали искать и допрашивать, глупая соседка быстро перепрятала людей в общий погреб. Стали разбираться, кому придется взять ответственность. Погреб общий, и забрать в застенки могли сразу всех, не разбирая родственных связей. Что ещё оставалось делать?

Третий – мужчина. Он прожил в деревне всю жизнь, но видела его Гён Ран всего несколько раз. Он рыбак, ходил с торговыми миссиями к японским берегам, до самой Окинавы. Там, в мерзкой Японии у него, оказывается, есть женщина и ребёнок. Была женщина. Пока её не изнасиловали два американских военных, после чего она наложила на

себя руки. Теперь он не может смотреть на американскую форму. Значит, с теми, кто издевался над его народом, он и семью и детей завести может, а как пришли те, кто несёт свободу, так он сразу же почувствовал тошноту?

– Что стало с ребенком? – впервые подает голос Гён Ран, не переставая распределять рассаду. От долгого молчания голос хриплый и тихий.

– Никто не знает. Сгинул, наверное, – отвечает её великодушная собеседница. – Ты бы спросила, что с нами станет.

– А я знаю, что будет. Мы умрем, как и все остальные. От этой грязи уже не отмыться.

– Меня зовут Со Ён, – ни с того, ни с сего, представляется женщина. – Не хочу умирать рядом с незнакомкой.

– Я знаю, как вас зовут. Хоть меня и не было месяцами, за две недели я успевала узнать всё, что мне нужно.

– Мне жаль, что такая смышленная девочка как ты, Гён Ран, должна погибать в этой дыре.

Заключительный аккорд этой рапсодии совсем не удивляет Гён Ран. Вся деревня собралась, чтобы поглазеть и принять в этом участие. Виселиц нет, зато есть хорошая перекладина и четыре деревянных ящика. Прямо суд Линча, не иначе. И петли уже наготове.

Будут голосовать. Всей деревней. Гён Ран первая на очереди.

Кто-то стоит рядом с ней, перечисляя её преступления, но она ничего не слышит. Да и важно ли это? Какая разница, всё равно она не собирается оправдываться. Она вообще не будет ничего говорить. Все так заняты перечислением, что не замечают, как она сама встает на ближний ящик и надевает петлю. Всё готово.

Конечно, она хотела бы увидеть малышей напоследок, но отчего-то эта идея кажется не такой уж и хорошей. Может быть, всё дело в том, что она уверена, что эшафот, пусть даже и такой убогий – не место для детей.

Но, Господи, если ты, конечно, существуешь, почему бы тебе не повернуть свой промысел в другое русло? Почему бы тебе не перестать поступать так жестоко?

– Молишься нашим богам, предкам, или христианскому Господу? – шепчет за её спиной Со Ён.

– Тому, кто согласится помочь, – не оборачиваясь, отвечает Гён Ран.
– Не спеши умирать, – продолжает её новая подруга. – Успеешь ещё.

Гён Ран смотрит прямо перед собой, не разбирая лиц. В дальнем ряду мелькает знакомый образ, и она напряжённо приподнимается, пытаясь разглядеть его получше. Возможно, она так сильно скучала по ним, что ей уже начинает казаться.

Тёмные взъерошенные волосы, смуглая кожа, горящие глаза и тонкие жесткие губы – ошибки быть не может, это Мин Хо.

– Что ты делаешь?! – не сходя с ящика, кричит Гён Ран, ослабляя петлю и приподнимаясь на носочки. Она смотрит прямо на него, и люди, уловив её взгляд, также оборачиваются.

Мин Хо смотрит на неё издалека, и поначалу кажется, что она ошибается, но позже понимает, что в его глазах нет ничего кроме стыда и ненависти. Стыда... за неё? Ненависти к ней?

– Где малышка?! Где моя Ин Су?! – ещё громче кричит Гён Ран. – С ней всё хорошо?

Мальчик молчит и качает головой. Гён Ран бессознательно отмечает, что он ещё больше вытянулся и теперь выглядит гораздо старше. Он всегда был таким – вырослел слишком быстро. Достаточно ли он взрослый, чтобы принять решение? Она искренне надеется, что да. А ещё больше ей хочется, чтобы ему хватило ума взять на себя ответственность за свой выбор.

– Что же ты молчишь?! Где Ин Су?!

Мин Хо медленно отворачивается и ещё раз качает головой, прежде чем немного склонить голову и... сплюнуть за землю. Все головы разом поворачиваются к ней.

Гён Ран кивает, сглатывая комок в горле. Со Ён успевает схватить её за запястье, но она уже подходит к краю ящика, хладнокровно выбивая его у себя из-под ног. Достаточно только встать на самый край и качнуться вперёд, отталкивая угол ступнями.

Ящик, дребезжа, отъезжает назад, и свисающие ноги Гён Ран несколько раз глухо ударяются об его край, пока она раскачивается в петле.

Со Ён кричит, без слов, без выражения, на одной тональности, пытаясь вытащить девушку.

После того, как двое мужчин хватают её, приводя тем самым в чувство, она поднимает глаза, глядя на застывшего Мин Хо.

– Ты убил её. Если Господь милостив, ты никогда не поймёшь, почему это случилось.

Его всё ещё покачивает, и от слабости Шуго постоянно вынужден держаться за перила. Подполковник Хара уговаривал его подождать ещё немного, но внутри у Кавады разгорелся такой пожар, что он просто не мог усидеть на месте.

– Всё лечение насмарку, – ворчал старый подполковник. – Умрёшь, не успев выздороветь.

– Если задержусь хоть на день, точно умру, – ответил Шуго.

Корейский берег уже вырисовался на горизонте, но он точно знает, что радоваться ещё рано. Нужно увидеть её, а уж потом и переводить дух.

По крайней мере, дни жуткой неопределённости остались позади. Осталось совсем немного.

Эпилог

В это сложно поверить, но всего через тридцать лет Хиросима вновь приняла свой обычный вид. Осталось только «атомное здание» да мост Айои, на котором прочно отпечаталась тень матери Кавады. Он редко задумывается о том, что за силуэты лежат на мостовом полотне, даже не подозревая, что его мать, которая только через семь лет после «исчезновения» была признана погибшей, оставила свой след вместе с восемью другими пешеходами. Он вообще старается не ходить этой дорогой, изредка присоединяясь к поминальному шествию в годовщину взрыва. Ин Су принимает участие во всех парадах. Без неё он бы ни за что не решился на такое.

Вспоминать о том, что было, слишком больно. Он привык делать вид, что забыл обо всём и больше не испытывает сожалений – так легче и проще. Не нужно ничего объяснять и заверять приёмную дочь в том, что с ним всё в порядке. Ин Су и так слишком сильно беспокоится о нём, предпочитая жить в том же городе, невзирая на опасности. Она, впрочем, как и её муж, каждые шесть месяцев сдаёт кровь на проверку уровня лейкоцитов. Кавада говорит ей, что делает то же самое, хотя, на самом деле, это не так. Это, пожалуй, единственное, в чём он обманывает её. В остальном же, он всегда честен со своей дочерью. Она – всё, что у него осталось от прошлого. От Гён Ран, с которой он продолжает беседовать по ночам.

Он до сих пор помнит тот день, когда узнал о том, что её больше нет в живых. Если бы не та женщина, Со Ён, вряд ли он смог бы выбраться оттуда целым и невредимым – слишком много людей в деревне знали его в лицо.

– Папа, – как всегда, прежде чем постучать, Ин Су зовет его, встав у окна. Ей уже тридцать пять, у неё и самой есть дети, но она по-

прежнему похожа на маленькую девочку. В чём-то ей удалось сохранить остатки наивности и детской хрупкости. – Папа, ты уже проснулся?

Дом, в котором живет Шуго, стоит как раз на том месте, где была палатка, в которой он прожил первые дни после возвращения. Там же он прожил вместе с Ин Су первый год после того, как забрал её с собой.

– Да, дверь открыта, можешь заходить.

Она могла бы вообще не стучаться – каждый день повторяется одно и то же. К девяти часам, когда она приходит к нему, он уже всегда готов встретить её. Дверь всегда открыта. Однако в этих маленьких ритуалах есть своя прелесть, от которой они оба ещё не готовы отказаться. Так было всегда.

– Я принесла тебе еду, – торопливо выкладывая узелки на стол, говорит она. – На сегодня, надеюсь, хватит.

И без этого тоже можно обойтись. Она же точно знает, сколько еды нужно готовить, к чему эти формальности? Шуго незаметно улыбается, наблюдая за тем, как она суетится у холодильника.

– Я и сам могу готовить.

– Нет, пока дети ещё ходят в школу, я буду приходить каждый день. Когда начнутся каникулы, с этим станет сложнее, но зато будем навещать тебя всей толпой. Ты не против?

Как она отличается от Гён Ран! Та была спокойной, тихой и осторожной. Всегда внимательно наблюдала за ним, прежде чем что-нибудь сделать или сказать хоть слово. Ин Су – полная её противоположность. Она весёлая, живая и активная. Поначалу, после того, как она отлежалась в госпитале и оправилась от пневмонии, Шуго был, мягко говоря, шокирован тем, насколько она шумная и быстрая. Ему ещё не приходилось видеть таких непоседливых детей. Мало-помалу он привык к ней, но до сих пор не перестаёт удивляться тому, как много энергии скрыто в её теле.

– Папа, – необычно тихо зовет его Ин Су, отвлекая от грустных мыслей и воспоминаний. – Папа, – она протягивает ему платок – у тебя кровь носом пошла. Нужно вызвать врача?

Её здесь нет.

Эта мысль словно обухом ударила его. Её нет в доме. И нет никаких следов жизни. Что могло случиться? Что произошло? Почему она не дождалась его? Где теперь искать её и детей?

Эти вопросы зажигались в его мозгу, как огоньки, помогая отвлечься от самого главного вопроса. Вдруг она... что если она уже...

Не может быть. За то недолгое время, что он пробыл в родных краях, он уже успел наслушаться историй о том, как зверствуют американские военные, добравшись до японок. Не разбирая ни возрастов, ни происхождения, они уродовали и калечили несчастных женщин и девушек. Но здесь же Корея, здесь никто не оказывал сопротивления. Здесь нет жен, чьи мужья бомбили тот проклятый Пёрл-Харбор. Здесь некому мстить и не над кем издеваться.

Впервые за всё это время Шуго ощутил полную растерянность. Впервые не знал, что ему делать. Всю свою жизнь он был точно уверен в том, как нужно поступать. Выполнять приказы, принимать решения, отдавать приказы – всё это казалось таким естественным. А теперь он не знал, куда ему идти. Что сделать, чтобы ничего не испортить? Может быть, нужно подождать до вечера? Может, к вечеру она вернётся и приведёт малышей?

Вечером всё было так же тихо, как и днем. Никаких изменений. Он не решался зажечь свет, опасаясь, как бы соседи не нашли его. В темноте был и другой плюс – можно было выйти на улицу и отправиться на поиски. Вполне возможно, она живёт в лесном домике, там, где целую вечность назад он и его люди нашли повстанцев. Однако стоило ему ступить за порог, как во дворе оказалась какая-то незнакомая женщина. Она шла, держа в руках поминальные свечи и тихонько всхлипывая.

– Папочка, ты должен прилечь, – почти плача от страха, приговаривает Ин Су, держа его за руку. – Врач скоро будет здесь. Он уже совсем рядом, скоро будет у нас дома, ты только лежи и не двигайся. Такое ведь уже бывало? И всё обходилось, правда?

Да, такое уже бывало. Кровотечения – внешние и внутренние – периодически напоминали ему о том, что тридцать лет назад он

перенёс атомную чуму. Иногда они проходили сами собой, иногда нужно было обращаться в клинику. В этом нет ничего страшного – периодически уровень лейкоцитов резко шёл на снижение, и кровь начинала сочиться из носа и из дёсен. Однако она ещё никогда не выступала по линии роста волос и на бровях.

Шуго украдкой прикладывает платок ко лбу, прижимая его к волосам и убирая излишки крови, пока Ин Су ещё ничего не заметила. На этот раз не обойдется, он в этом уверен, но пугать малышку совсем не хочется. Пусть ещё немного посидит спокойно.

– Вы тот самый японский капитан? – даже не подходя к нему, спросила женщина. – Это из-за вас ей пришлось умереть?

Шуго отступил на шаг, едва не упав на крыльцо. Умереть? Не может быть!

– Умереть?

– У вас есть её фотография? – продолжила женщина, видимо, сочтя, что ответ на его вопрос и так очевиден. – У меня нет ни одной, так что я даже не знаю, на какой образ мне проводить церемонию.

– Что с ней случилось?

– Её повесили. Всей деревней. И меня должны были, но отчего-то не стали. Наверное, были слегка удивлены тем, что она сама спрыгнула с ящика. Завтра, когда продолжат слушание, может быть, и я сделаю то же самое.

Женщина жестоко выкладывала подробности, не заботясь о том, что Шуго явно испытывал трудности с дыханием.

Она прошла мимо него, закрыла окна, зажгла свечи, выложила на пол две бумажные ленты, исписанные китайскими иероглифами, и три раза совершила ритуальный поклон, оказывая Гён Ран посмертную честь.

– Я не знаю, где её похоронили. Не знаю, куда закопать этот паспорт, – она указала на бумажные ленты. – Лучше я сейчас их сожгу и дело с концом.

Только когда бумага начала корчиться над огнём, Шуго понял, что это за ленты. На них было написано имя Гён Ран и её возраст. Чтобы там, в загробном мире, её приняли как человеческую душу, а не как

простую скиталицу. В этот момент он почувствовал такую всепоглощающую благодарность к этой незнакомке, что готов был сделать для неё что угодно.

– Я сделаю для неё ещё больше, – немного подумав, сказала женщина. – Покажу вам, где живут её младшие. Девочка сильно болеет, так что вам нужно забрать её. В деревне за ней не станут ухаживать. Я бы и сама забрала, но не знаю, останусь ли в живых.

Шуго знает, что сейчас, когда они доедут до клиники, его обман раскроется. Выйдет доктор в белом халате, пролистает его карточку, и, качая головой, скажет:

– Он никогда не сдавал кровь на лейкоциты.

И Ин Су убьёт его своими руками.

Пришлось ждать до полудня. В полдень в том доме, где содержались дети, не осталось ни одного взрослого, и Шуго беспрепятственно вошёл внутрь. Его встретил только Мин Хо. Увидев гостя, мальчик невольно отшатнулся, но не струсил. Упрямый и безрассудный, как его мать.

– Я заберу тебя и твою сестру, – холодно сказал Кавада, отчего-то зная, что мальчик не согласится идти с ним.

– Мы никуда не пойдём.

– Твоя сестра пошла на большие жертвы ради того, чтобы вы могли вырасти как положено, так что не мешай мне.

– Мы никуда не пойдём.

Ему пришлось забрать девочку и оставить его в том доме. В какой-то момент Шуго подумал, что мальчик бросится на него с кулаками, но он просто стоял и смотрел на него ненавидящими глазами, наблюдая за тем, как он заворачивает малышку в одеяло и выносит за порог.

– Гён Ран хотела бы, чтобы о ней хорошо заботились, – только и сказал он напоследок.

Так и есть. Узнав о том, что её отчим никогда не проходил обследование, Ин Су так набрасывается на него, что Кавада невольно улыбается, прикрывая нижнюю часть лица большим куском марли.

– Ты же говорил, что всегда проверялся! Как ты мог так запустить себя? Ты же перенес болезнь ещё в сорок пятом, как ты мог?

– Ну, прости меня, Ин Су, – сквозь марлю бормочет Шуго. – Я и так прожил дольше, чем надеялся. Мне теперь шестьдесят, разве я мог рассчитывать на то, что так долго проживу на этом свете? Я увидел, как ты повзрослела и вышла замуж за хорошего человека. Ты теперь сама будешь о себе заботиться.

– Господи ну почему? Папочка, ну почему ты так жесток к себе? Ты же ничего в жизни не видел, только и думал о том, что было бы лучше для меня.

– И потому я был счастлив. Твоя сестра говорила, что любой, кто хоть недолго будет делить с тобой жизнь, станет счастливым. Она не обманывала.

Ин Су прижимается лбом к его плечу и глухо плачет. Шуго видит, как вздрагивают её плечи.

Он никогда не сомневался в том, что сделал правильный выбор. Уже на судне ему пришлось совершить ритуальный поклон в честь той женщины. Со Ён. Он сделал это по японским обычаям – всего один раз, обратившись головой на восток. По-другому он просто не умел.

Потом были годы лечения, привыкания и обучения. Они с Ин Су проходили всё в первый раз. Она, привыкшая к корейским обычаям, не могла обосноваться среди японских детей, постоянно жалуясь на то, что они слишком быстро говорят. Ей приходилось проходить лечение два раза в год, дабы избежать приступов и обострений. Но каждый день, наблюдая за ней, он видел в ней черты старшей сестры. Насколько они отличались друг от друга, настолько же и были похожи. В полных противоположностях каждый день открывались общие черты. Как такое возможно? Шуго никогда не знал ответа на этот вопрос.

А ещё через десять лет, в пятьдесят пятом году, до него дошли дурные вести. В очередной раз. Хон Мин Хо погиб, присоединившись

к сотням тысяч солдат Гражданской войны. Он узнал об этом совершенно случайно, просто просматривая утренние газеты. Его имя могло затеряться и пропасть, но благодаря своей активной позиции мальчик сумел вырваться вперёд и дослужиться до лейтенанта, так что его имя было в списке упомянутых в газете. Пусть это и было нехорошо, но Шуго благодарил предков за то, что Ин Су далеко от родной страны, в которой до сих пор бушевали военные пожары. Она была далеко, там, где он мог гарантировать ей безопасность. Там, где она могла ходить в школу и учиться танцевать, кататься на велосипеде и посещать кулинарные курсы.

Там, за проливом, тысячи девочек так и остались безграмотными, безработными, обездоленными и искалеченными. По крайней мере, от этого он её избавил.

– Папочка, я не хочу расставаться, – рыдает Ин Су.

Шуго прикрывает глаза.

Рюноскэ хороший мужчина. Он хоть и старше неё на десять лет, но всегда умеет понять и помочь Ин Су, когда это нужно. У неё есть дети, те, о ком нужно заботиться, так что она не пропадёт. Теперь не пропадет.

– Мы ведь расстанемся не навсегда, – шепчет он, осторожно поглаживая её черные, как смоль, волосы. – Скоро я встречу с твоей сестрой. Совсем скоро.

Она ждёт его. Ждёт уже тридцать лет. Шуго уверен, что Гён Ран держит слово, и дожидается встречи с ним. Смерть, которая так долго обходила его стороной, наконец, соизволила прийти. Там, где они должны встретиться, нет ничего, что могло бы им помешать.

Теперь ему не страшно.

Примечания

1

Васи – японская бумага ручной выделки.

2

Подразумевается резня в китайском городе Нанкин, когда японские солдаты убили и изнасиловали тысячи китайских женщин.

3

Хибакуся – люди, пережившие лучевую болезнь, но составляющие группу риска. После того, как лихорадка улеглась, они еще долго были изгоями в собственной стране.

4

Японский антисептик, по роду действия и классификации близкий к зеленке, но красного цвета.